

ВИКТОР ЧОЧИЕВ

СЦЕНАРИИ, ПЬЕСЫ, СЦЕНАРИИ. В ТРЁХ КНИГАХ. КНИГА 1

1. «ПЁС ГОСПОДЕНЬ» (СЦЕНАРИЙ) – ПО МОТИВАМ «НОВОГО ЗАВЕТА», АКЦИОН..
- 2 И 3. «КРЭШ-ТЕСТ» (СЦЕНАРИЙ, ДВЕ СЕРИИ) – МЕЛОДРАМА, ФАНТАСТИКА, АКЦИОН.
4. «ПРОГЕР» (СЦЕНАРИЙ) – ТРАГЕДИЯ.
5. «АПОСТЕРИОРИУМ» (КАМЕРНАЯ ПЬЕСА) – ДРАМА.
6. «АПОСТЕРИОРИУМ» (СЦЕНАРИЙ) – ДРАМА.

Виктор Чочиев

**Сценарии, пьесы, сценарии.
В трёх книгах. Книга 1**

«Издательские решения»

Чочиев В.

Сценарии, пьесы, сценарии. В трёх книгах. Книга 1 / В. Чочиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967457-9

Несколько работ из этого трикнижия вызвали неоднократный
«продюсерский» интерес — безрезультатный. Три работы были напечатаны в
журналах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967457-9

© Чочиев В.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|--------------------------------------------|----|
| Пёс Господень (сценарий в формате повести) | 6 |
| От автора | 6 |
| Начало | 7 |
| 1. Детство | 8 |
| 2. Пятнадцать лет | 13 |
| 3. Тридцать лет | 17 |
| 4. Начало | 19 |
| 5. В синагоге | 22 |
| 6. Иссахар | 24 |
| 7. Погоня | 25 |
| 8. Умножение хлебов | 28 |
| 9. Ослица | 30 |
| 10. Въезд в Иерусалим | 34 |
| 11. Авессалом | 35 |
| 12. В Храме | 37 |
| 13. Гефсиманский сад | 39 |
| 14. У дома первосвященника | 41 |
| 15. В доме Иосифа | 43 |
| 16. Глас народа | 46 |
| 17. У Иосифа | 49 |
| 18. Последний путь | 52 |
| Послесловие | 54 |
| Крэш-тест (сценарий), 1-я серия | 55 |
| Аннотация | 55 |
| 1. Титры и начало | 58 |
| 2. Дом | 59 |
| 3. Урок | 62 |
| 4. Добрый мир | 64 |
| 5. Отец | 67 |
| 6. Дворник | 69 |
| 7. Учительская | 70 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 71 |

Сценарии, пьесы, сценарии. В трёх книгах. Книга 1

Виктор Чочиев

© Виктор Чочиев, 2019

ISBN 978-5-4496-7457-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пёс Господень (сценарий в формате повести)

От автора

История, изложенная в этой книге, относится к самому началу того благословенного времени, в котором мы, люди, пребываем и поныне. В Те Годы людям явился Он – сорвавший последние покровы с сокровенной истины и обнаживший её для нас. Он – любивший нас беспрельдно. Достойны ли мы Его любви...

События, о которых вы читаете в этой книге – вымышленные. Но они совсем не противоречат известному нам о Том Времени. Могли ли они произойти? Не знаю...

Давно ли это было? С Тех Пор, мы мало изменились – значит, это было совсем недавно, только что...

Начало

А в Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И сотворил Бог небо и землю. Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

1. Детство

И было утро... ласковое осеннее утро, когда семь-восемь босоногих назаретских мальчишек (лет примерно десяти) удачно ускользнули от родителей, так что те не успели пристроить их к каким-нибудь привычным хозяйственным делам. Сойдясь, как обычно, на заросшем редкими кустами пустыре возле городских ворот, они переиграли во все известные им игры. Потом сбегали искупаться. Потом снова поиграли. И наконец, ужасно проголодались – даже те, кто успел на скорую руку что-нибудь перехватить дома.

А между тем, на смену утру заступал очень жаркий день, совершенно осени не подходящий. Впрочем, в детстве не бывает плохой погоды – ни слишком морозной, ни слишком жаркой. Конечно, крепких морозов в Галилее не бывает вообще. А вот жара...

Лёгкий ветерок, поднявшийся было с утра, вскоре совершенно разочаровался в своих силах и стих, а безжалостное солнце загнало в тень деревьев и душную прохладу домов почти всё население Назарета и его окрестностей – в такие часы полагается отдохнуть, даже тем, кто не работал...

Однако, мальчики не чувствовали ни жары, ни усталости – только зверский аппетит. В другое время они разбежались бы по домам, где их, накормив, чем Бог послал, обязательно определили бы на работу, а работать – ну, совсем не хотелось. Но ведь была середина осени – лучшее, особо радостное время года, когда в полях, садах и огородах уже созрел урожай, а в том году он был особенно обилён. Поэтому мальчики резонно рассудили, что домой возвращаться смысла нет, а пообедать, и очень неплохо, можно в первом попавшемся саду.

Споров о том, куда пойти, не было. Собственно, в этой компании споров почти и не случилось – слишком велик был авторитет вожака. Его имя – Варавва – мальчики произносили очень уважительно, хотя он не был ни самым старшим, ни самым сильным в их компании, а уж одет он был и вовсе хуже всех – сплошные лохмотья. Зато они знали, что он никого не боится – ни змеи, ни волка, ни даже взрослых. И тому уже было множество примеров. Кроме того, он был очень крепок и ловок, так что драк с ним избегали даже пятнадцатилетние, и мальчишки чувствовали себя под надёжной защитой. И наконец, в своей компании он был самым смекалистым и рассудительным мальчиком.

В этот раз Варавва сказал:

– Идём в сад Халева! Ради матери его Зебуды – нет старухи противнее!

Строго говоря, решение это было Варавве не совсем по душе – в сад к Халеву они уже наведывались позавчера, и, по справедливости, сегодня надо было бы залезть в сад другого хозяина (а Варавва очень любил, чтобы всё было справедливо). Но именно позавчера, старуха заметила его в саду... Конечно, поймать его она даже не пыталась. Но как же она его тогда крыла – самыми распоследними словами! И ладно бы только его, он бы стерпел, а то ведь (при ребятах!) и его мать тоже! У Вараввы похолодело сердце, когда он вспомнил эти слова... Вот почему он решил, что и сегодня нужно пойти в этот сад.

Будто почувствовав его мысли, мальчики тоже помянули старуху недобрыми словами:

– Да уж, вреднее неё не найти!

– И ругается так страшно...

– Злее нет языка.

– Она ведь всегда присматривает, ещё увидит нас – крику будет на весь Назарет!

Тут Варавва счёл своевременным подбодрить и успокоить компанию:

– В сад старуха выходит редко, всё больше во дворе её видно. Главное, чтобы она не увидела нас возле дома. Так что мы зайдём от оврага, да не все скопом, а по одному – всего и делов! Только надо потише.

...Это был небольшой смоковничный сад, огороженный невысоким забором из необработанных камней. Варавва сразу же забрался на самое высокое дерево, остальные мальчики залезли на соседние деревья, неосознанно стараясь быть поближе к нему.

Первое время они лакомились спелыми смоквами молча. Но через минуту-другую всё-таки начали потихоньку переговариваться:

– А Исаак, дурачок, побоялся пойти с нами.

– Через неделю уже начнут опадать

– Вкусно-то как!

– А пошли потом на пруд!

– Вот бестолковые, учишь их, учишь... – подумалось Варавве, а вслух он негромко, но резко проворчал:

– Тише вы! Что раскричались – услышат. И хватит жрать – с собой собирайте!

Через минуту самый маленький мальчик всё-таки не смог сдержаться:

– Варавва, а пойдём потом купаться?

Варавва молча показал ему кулак – мальчик покраснел и отвернулся.

С высоты своего дерева Варавва осмотрелся вокруг, и, не заметив никакой опасности, начал очень быстро собирать смоквы в небольшой холщовый мешок. Набив его полностью, он сорвал с ветки самую большую смокву, которую заметил уже давно, и быстро, с аппетитом стал её есть. Его пухлые губы порылись соком спелого плода. Варавва вдруг почувствовал себя совершенно счастливым человеком, и, чтобы удержать это радостное ощущение подольше, даже закрыл глаза.

Вдруг – крик одного из мальчишек:

– Ай-йай!

Варавва быстро оглянулся и увидел, как пацаны разбегаются кто куда, а к его дереву, грозно и молча, бегут двое мужиков с кольями. Позади них ковыляла костлявая старуха, также вооружённая палкой. Тишину разорвал её пронзительный крик:

– Хватайте его! Бейте его! Сын потаскухи! Его шайка нас по миру пустит! Бейте Варавву!

Варавва спрыгнул на землю и неожиданно для всех побежал прямо на одного из мужиков, резким «финтом» уклонился от его страшного удара и сам ударил мужика с разбегу головой «под дых». Мужик, охнув, согнулся и схватился за живот. Варавва обежал его, но в это время кол второго мужика слегка «достал» его по голове. Варавва пошатнулся и бросился в направлении старухи. Со словами «жадная ведьма» он оттолкнул её, так что та осела наземь, и, подбежав к забору, перепрыгнул через него и скрылся в овраге.

А старуха, сидя на земле, всё била и била о землю рукой, и в иступлении кричала:

– Хватайте его! Убейте его!

Неровной шаткой походкой Варавва медленно шёл к своему дому. Одной рукой он держал небольшой мешочек со смоквами, другой прижимал к рваной ране на голове пучок травы с запекшейся на ней кровью. Мысли его путались, и каждый шаг отдавался резким горячим толчком где-то в самой середине головы.

Наконец, он подошёл к дому. Это была очень низкая хижина у подножья холма – почти землянка, без двери и окон.. Возле неё, играя, на земле возились две девочки пяти и семи лет, одетые в ветхие рваные платица. Заметив Варавву, девочки вскочили и кинулись ему навстречу с радостными криками:

– Ой! Братик пришёл!

– Варавва!

Старшая девочка в тревогой спросила.

– А что это у тебя с головой?

Варавва попытался ответить с самым беспечным видом:

- Да... так... Задел о ветку... в роще.
- Не почувствовав его слабости, девочки продолжили свои беззаботные расспросы:
- За восточными воротами, да?
- Да... там.
- А почему ты нас не разбудил? Мы бы пошли с тобой!
- Вас только мне и не хватало...
- Ты купался сегодня?
- Сегодня нет... Завтра пойду... Что я... купался я сегодня, купался...
- Ну почему мама не разрешает нам ходить на пруд!
- Правильно... вы же... девочки.

Через низкий дверной проём Варавва вошёл в дом – земляной пол, никакой мебели, жужжание невидимых в сумраке мух. В углу на охапке сена сидела очень худая женщина – его мать – с годовалым младенцем на руках, которого она кормила своей тощей грудью. Варавва протянул матери мешочек:

- Вот – возьми, тут смоквы.
- Да простит Господь моего сыночка!... Повесь его.

Варавва обернулся к двери и повесил мешочек на гвоздь, торчащий в растрескавшемся дверном косяке. Приглядевшись к сыну, мать положила ребёнка на сено, встала и усталым спокойным голосом сказала:

- Пойдём, твою рану надо промыть.

Мать обняла Варавву и вывела его наружу к большому глиняному бочонку с обломанными краями. Хорошо выскобленной тыквенной плоской она зачерпнула воду из бочонка и в несколько приёмов промыла рану на голове согнувшегося в пояс Варавве. От прикосновения материнской руки, счищавшей присохшую грязь и кровь Варавва взвизгнул:

- Уй! Больно!

Не обращая на это внимания, мать заговорила о том, что уже давно терзало её душу:

- Когда-нибудь они убьют тебя... За несколько смокв или пригоршню бобов....

Горе мне...

- Что ты, мама, я ловкий... Никому меня не поймать... И вообще, я буду жить вечно!
- Не святотатствуй!... Как мне жаль, что ты не ходишь в синагогу.
- Как же я туда приду, мама?
- Как жаль.. Ты совсем не знаешь Закона... Как ты будешь жить...

Прополоскав в чистой воде какую-то тряпку, мать протянула её Варавве:

- Прижми к ране и полежи в доме.... Сара, Ребекка, не шумите, пусть Варавва поспит.

Она снова обняла Варавву и проводила его в дом. Варавва лёг поудобнее на сено рядом со своим братиком, и глаза его закрылись сами собой. Мать села прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Минуту-другую они молчали. Варавва почувствовал, что засыпает, а его мать погрузилась в тягостные раздумья. И без того невесёлое, её лицо ещё больше помрачнело:

- Утром обошла весь город... Нигде не было работы... Хорошо, что ты принёс смоквы.

И Мария дала немного молока и хлеба. Слава Богу, теперь есть, чем покормить младших. Поешь и ты, вот хлеб.

Откуда-то из складок платья мать достала кусок хлеба и вложила его в руку сыну. Не открывая глаз, он начал есть – навалившиеся на него слабость и сонливость чуть-чуть отступили. А мать продолжала:

– Господи, благослови семью Иосифа! И особо, жену его Марию! Если бы не они, нам бы не выжить...

– Да, они хорошие люди... – тихонечко отозвался Варавва... – Только их дети играют с Сарой и Ребеккой... И никогда не дразнятся.

– Хоть бы ты подружился с Иисусом. Он такой замечательный мальчик! Твой одноклассник, а говорят, знает Закон не хуже раввинов.

– Как я с ним подружусь? Он почти никуда не ходит... кроме синагоги...

– Полежи тут, поспи. А я схожу ещё раз в город.

Мать встала и вышла из дома. Доев хлеб, Варавва вытянулся в струнку, зевнул и потянулся. Потом вдруг встал – от этого у него закружилась голова, и ему пришлось опереться на стену. Когда кружение в голове прекратилось, Варавва подошёл к двери и выбрал из своего мешочка самую лучшую смокву, откусил от неё кусочек и тщательно его разжевал. Потом он лёг на сено лицом к брату, который в этот момент энергично обсасывал свой крохотный кулачок, и пальцем стал засовывать ему в ротик разжёванную смокву. Тому это сначала не понравилось – он закрутил головой и тихонечко захныкал. Но уже через несколько секунд он улыбнулся и стал дожёвывать смокву своими беззубыми дёснами. Варавва улыбнулся улыбке брата, откинулся на спину и то ли мгновенно уснул, то ли потерял сознание.

Он проснулся через несколько часов. В доме никого не было. Вставать не хотелось. Он ещё немножко полежал, любясь пыльными лучами солнца, проникающие через щели в крыше, и прошептал:

– Как хорошо!

Но едва пошевелившись, Варавва поморщился от боли и осторожно притронулся рукой к ране на своей голове, прикрытой присохшей тряпкой. Слегка подёргав тряпку, он понял, что так просто её не оторвать, а оторвать почему-то очень хотелось. Тогда он встал, вышел из дома и остановился, опершись на стену. Его сёстры играли с маленьким братиком и не заметили его. Варавва окликнул их:

– А где мама?

– Ещё не вернулась.

– А-аа...

Варавва подошёл к бочонку с водой и, поливая присохшую к голове тряпку, помаленьку отодрал её, изредка «уйкая» от боли. Затем он вылил полную плошку себе на голову и расправил мокрые волосы ладонями. Потом он наполнил плошку ещё раз и напился. После чего сообщил девочкам:

– Я пойду в город.

– Остайся, поиграем?

– Как я буду с вами играть... Я уже большой.

Понурился Варавва шёл по узенькой улочке мимо бедных домов и убогих лавчонок. Завидев его, их жильцы и хозяева не скупились на язвительные реплики:

– Проходи, проходи!

– Сын побирюшки идёт...

– Хорошо, что один, без своей шайки!

– Что будет с нами, когда они вырастут!

– Он недостоин называться иудеем!

– А проломил таки ему кто-то голову!

– Уж я бы ударил посильнее!

Подняв голову, в нескольких шагах от себя Варавва увидел шедшего ему навстречу знакомого мальчика – опрятно, но бедно одетого и тоже босого. Мальчик первым обратился к нему:

– Здравствуй, Варавва! Не слушай этих людей. Господь не благословит их слова!

– Я и не слушаю. Привет, Иисус!

– Ты не более грешен, чем они. Ты добрый. Многие мальчики из тех, кого я знаю, берут из чужих садов. Ты такой же, как все.

– Нет! Я сильнее и храбрее их! Я никого не боюсь.

- Это так. Но не гордись этим. И ты должен бояться Бога!
 - Иисус, ты же знаешь, я не хожу в синагогу и не знаю Закона.
 - Приходи к нам в дом хоть каждый день, и я буду учить тебя. Но понемногу – отец хочет, чтобы я больше помогал ему, ведь я старший сын. Это правильно.
 - Твой отец – лучший плотник в Назарете!
 - Есть другие, которые могут сделать лучше. Так говорит отец. Но он говорит, что Господь сподобил его умению работать очень быстро. Поэтому он берёт за работу дешевле, чем другие плотники и столяры. И от этого хорошо и людям, и ему. Но он стареет и ему нужен помощник. А мне уже 10 лет.... Что у тебя с головой – болит?
 - А, ерунда!
 - Можно мне потрогать?
 - Только не ковырай!
 - Наклони голову...
- Иисус внимательно осмотрел рану, несколько раз легко прикоснувшись к ней пальцами. Потом на несколько секунд он прикрыл рану ладонькой и, опустив руку, после короткой паузы сказал:
- Ну, я пошёл.
 - Я сегодня же приду к тебе – начнешь меня учить?
 - Приходи, как стемнеет, когда отец закончит работать. Заодно, я попрошу маму дать тебе еды от ужина.
 - Как же ты будешь читать в темноте?
 - Что ты! У нас в доме нет книг, они – в синагоге. Но те, что там есть, я уже выучил наизусть.
 - А я даже читать не умею.
 - Не бойся. Чтобы быть угодным Господу, не обязательно уметь читать. Главное – понимать Закон сердцем. А сердце у тебя доброе и Я должен идти.
 - Мир дому твоих родителей!
 - Мир вашему дому!

2. Пятнадцать лет

Это был базарный день. Шумная рыночная площадь была запружена людьми. В толпе попадались и вооружённые стражники, медленно пробирающимися сквозь толпу парами. Иногда им приходилось кулаками расчищать себе дорогу – люди не слишком обижались на это. Зазывные крики торговцев и громкие голоса покупателей смешались в многоголосый хор:

- А вот масло, лучшее масло!
- Вино! Вино! В мехах и в розлив! Пробуйте! Самое лучшее!
- Ах, какие рабы! Какие рабы! Какие молодые и сильные! Каждый работает за двоих!
- Куры и гуси!
- Хитоны! Хитоны!
- Два динария!? Да таких цен и не бывает!!
- Свежий хлеб! Утренняя выпечка! Утренняя выпечка!
- Точу ножи! Точу ножи!
- Пошёл прочь, грязный побирушка!
- Лучшие ткани Востока! Жемчуга!
- Хватит пробовать, хватит с тебя! До субботы наелся!
- Свежая рыба! Ночью ещё плавала в море!
- А на обмен? Две меры пшеницы дам!
- Предсказываю будущее! Маг из Египта предсказывает будущее!
- Печёные голуби! Настоящее объедение! Кто пробовал, знает!
- А вот я сейчас позову стражников!
- Кувшины и чаши! Самые дешёвые кувшины!
- Лови мальчишку! Держи его!
- Сандалии! Крепкие! Самые дешёвые.!
- Холодная вода! Есть вода!

Между торговых рядов уверенной походкой, проталкиваясь сквозь толпу, шёл Варавва. Он выглядел уже почти взрослым. Одежда его была непритязательна, зато сандалии на его ногах были просто роскошны, а на поясе у него висел дорогой кинжал в ножнах очень тонкой работы. Позади него, молча шли два его товарища – Хайм и Овид.

Внезапно Варавва «пристроился» вслед богато одетому человеку – товарищи тотчас прикрыли его своими спинами. Через несколько секунд Варавва остановился и, обернувшись, молча показал товарищам перевязанный ремешком и отделанный вышивкой и полудрагоценными камнями кожаный кошелек. Те одобрительно кивнули головами. Потом они развернулись и в том же порядке пошли вдоль другого торгового ряда.

У одного из лотков с жареными курами Варавва и его спутники остановились. Продавцу это явно не понравилось:

- Проходи мимо, Варавва!

Варавва, казалось, ничуть не обиделся на подобное обращение и добродушно спросил:

- С каких пор, Есром, ты стал прогонять покупателей?

Он бросил на прилавок монету и, оглядев кур, сказал:

- Я беру вот... эту. Сдачу оставь себе.

Выбрав курицу и немного отойдя, он легко разорвал её на три куска, два из которых отдал своим товарищам:

– Это тебе, Хайм. Тебе, Овид. Деньги поделим позже. Всё – хватит работать. Пошли отсюда.

Они направились к выходу с рынка, на ходу уплетая курятину. Увидев вдруг у своих ног пугливо озирающуюся худющую бродячую собаку, Варавва присел на корточки и протянул ей остатки своего куска:

– На. На, подойди, не бойся... Все голодные должны быть сыты.

Собака робко взяла еду и тотчас убежала. Варавва вытер руки об одежду.

Хайм не удержался от критического замечания:

– И когда ты перестанешь, Варавва... Собака – нечистое животное.

За Варавву ответил Овид:

– Он же всегда был таким... Скоро все собаки Назарета станут толстыми, как свиньи.

Варавва ухмыльнулся:

– Где ты видел свиней, Овид.? Ты же никогда не был дальше одного дня пути от Назарета.

Овид немножко обиделся:

– Я слышал. Свиньи всегда толстые и жирные...

Хайм глубокомысленно заметил:

– Всякий зверь может быть тощим.

Овид доел курицу и тоже вытер руки об одежду.

И тут Хайм, дожёвывая курицу, предложил:

– Варавва... а давай... поделим деньги прямо здесь. Вон – в переулке.

Варавва ответил как-то неуверенно:

– Нехорошо это... Ну, ладно. Пошли.

Они зашли в ближайший переулок и остановились.

Варавва достал из-за пазухи очень солидно выглядящий кошелёк, раскрыл его и высыпал деньги себе на ладонь:

– У-у, только медные монеты... Жалко... А мужик выглядел таким богачом... Может, уже успел потратиться. Ну ладно.

Варавва, не считая, отсыпал часть монет в грязные ладони своих товарищей. Остальные деньги Варавва высыпал обратно в кошелёк и спрятал его за пазуху.

Затем Варавва достал второй кошелёк – очень плохонький тряпичный мешочек – и, заглянув внутрь него, даже присвистнул:

– А вот этот уже лучше, есть и серебряники! Делю не глядя.

Варавва снова отсыпал денег в ладони Хайма и Овида.

Затем, затаив ремешки кошелька, сунул его себе за пазуху и тем же движением достал оттуда третий кошелёк, украденный последним:

– А на этот у меня самая большая надежда. Смотрите – он и сам стоит дорого.

В этот момент из-за угла вдруг появился и свернул в переулок тот самый человек, у которого этот кошелёк был украден. Заметив стоящую троицу, он с несколько испуганным выражением лица приостановился и хотел, было, пойти другим путём. И вдруг он заметил в руках у Вараввы свой кошелёк. Его лицо побледнело. Он начал медленно отступать, губы его зашевелились – сначала безмолвно, потом шёпотом, а затем всё громче и громче он закричал:

– Люди... Стража!... Караул!! Вот он!!! Он украл мой кошелёк!!!!

Как будто они ждали этого крика за углом, в переулок тотчас вбежали двое молодых вооружённых стражников, за ними – другие люди. Троица бросилась наутёк, преследуемая людьми и их истошными криками:

– Держи!

– Лови их!

– Это Варавва, я узнал его!

– И Овид! Овид с ним!

– Догнать! Уйдут!

Толпа постепенно отставала, но не молодые стражники – они были всё ближе и ближе. На одном из перекрёстков, как по команде, трое преследуемых разбежались в разные стороны. Стражников это не смутило – они не потеряли ни секунды. Один из них продолжил погоню за Вараввой, другой побежал за Хаймом. И тут бегущего, что есть силы, Варавву бросило в жар – он понял, что дал маху и сейчас бежит по улочке, заканчивающейся тупиком! Он бежал между двух высоких заборов, и за первым же поворотом увидел, что ворота, в которые упирается улица – заперты.

Варавва кинулся к забору и попытался через него перелезть, но сразу у него не получилось, и он сорвался. В это время из-за поворота показался стражник! Не добежав до Вараввы, он остановился, чтобы перевести дух, и не спускал глаз с преследуемого. Он был высок, строен, силён и вполне уверен в себе. Оглядев Варавву, он улыбнулся недоброй улыбкой.

Резким движением Варавва выхватил свой кинжал. Увидев это, стражник, не спеша, вынул из ножен короткий меч. Они смотрели в глаза друг другу. Внезапно Варавва бросился прямо на противника. Используя взмах кинжала (от которого стражник легко отмахнулся мечом), как отвлекающий жест, Варавва с разбегу сильно ударил стражника ногой в грудь и обежал его. Тот нелепо взмахнул руками, отшатнулся, выронил меч и, запнувшись обо что-то ногами, упал на спину – железный шлем слетел с его головы, и он с силой ударился затылком об острый камень. С тихим стоном стражник замер.

Варавва метнулся к выходу из тупика. Но в этот момент из за поворота выбежала толпа преследователей. И тут же раздались их крики:

- Это Варавва!
- Варавва!
- Я узнал его!

Варавва снова кинулся к забору, на этот раз ему удалось забраться на него, и он спрыгнул на другую сторону в чей-то сад. Приземлившись на корточки, слышал по ту сторону забора возбуждённые голоса:

- А стражник-то мёртв...
 - Дайте посмотреть.
 - Нет, не дышит!
 - Варавва убил стражника!
 - Смерть Варавве!
 - Смерть!
 - Смерть Варавве!
 - Бежим, его надо найти!
- Варавва рванулся прочь от забора.

Скудный холодный свет ущербной Луны едва позволял Варавве и его матери видеть лица друг друга и тропинку, на которой они стояли. Варавва говорил свои прощальные слова:

– ... Теперь ты понимаешь... я должен уйти из города. Уйти далеко, где меня никто не знает.

- Как ты будешь жить... Как же мы без тебя...
- Вас не тронут. Вы же не убивали.
- Да простит тебя Господь!
- Мама, я же рассказал, как всё было! Я же не хотел.
- Твой путь – дорога грешника, сынок...
- Никто не праведен, мама.
- Кто теперь даст мне работу...
- Ну... есть же добрые люди. На первое время тебе хватит денег, которые я тебе оставил.

А потом... Потом я буду вам помогать.

- Никто не возьмёт замуж твоих сестёр...
- Не завтра им замуж, всё образуется, мама.
- Прости меня, сынок.
- Прости и ты меня, мама.... Я пойду... За ночь я должен уйти далеко...
- Куда ты пойдёшь?
- Сначала думал – в Тир или Сидон. Думал, наймусь в матросы. Но я так боюсь воды... Так и не научился плавать. Пойду в другую сторону – в Сирию. Будь, что будет.
- Бедный мальчик! Столько разбойников на дорогах!
- Меня не легко обидеть. Ты знаешь.... Я пойду... За ночь я должен далеко уйти...
- Прощай, Варавва... Храни тебя Бог!
- Прощай, мама!

Варавва решительно повернулся и бесшумно исчез в темноте. Немного отойдя, он горько заплакал. Он шёл, утирая слёзы кулаками.

3. Тридцать лет

К полудню солнце и жаркий восточный ветер «шарав» совершенно раскалили пустыню. Очертания холмов, скал и оврагов подрагивали в знойном мареве – казалось, что даже они страдают от этого пекла. Ни звука, ни запаха...

Всё живое попряталось до вечера, но не люди – по каменистой дороге медленно двигался небольшой караван: десятка полтора верблюдов с поклажей, хозяин каравана – толстый купец верхом на верблюде, несколько вооружённых пеших погонщиков, пять охранников на лошадях. Лица людей были разморены жарой и усталостью от долгого перехода. Тишину нарушали только мерные позвякивания колокольчиков на верблюжьих шеях... Караван приблизился к подножию невысокого утёса.

Вдруг в тишине раздался резкий свист летящих стрел, пущенных откуда-то сверху. Убитые охранники повалились с лошадей. Одного охранника только ранило – стрела попала ему в плечо. Он с криками судорожно развернул своего коня и пришпорил его. Беспорядочно мотаясь в седле, он ускакал в обратном направлении и исчез за поворотом дороги. Этот манёвр пытался повторить и купец, но его верблюд был невосприимчив к его бестолковым понуканиям. Наброшенный издалека аркан стянул купца с верблюда, и он грузно упал на землю. Тут же попытался встать, но почему-то у него не вышло, и он так и остался сидеть на земле, широко раскинув ноги.

Всё это время грузёные верблюды продолжали невозмутимо шагать по дороге (они остановились, только пройдя около сотни локтей) – в отличие от своих погонщиков, которые остановились сразу же, а некоторые из них даже присели на корточки. На их лицах не было страха.

К купцу молча подошёл, сматывая свой аркан, рослый разбойник Ефрем. Сняв петлю аркана с головы купца, он смачно хлопнул ею купца по спине – со словами:

– Хор-роший купец!

Вместе со своим атаманом – Вараввой – подходили и подбегали другие разбойники. Они весело перекликались:

– Сегодня удача не отвернулась!

– Хороший набег!

– Мы даже не вынули мечей из ножен!

– Варавва любит, когда так спокойно и тихо!

– Лучшие деньги – лёгкие деньги!

– Ха- ха!

– Жалко, караван маловат!

– А Вооз-то сегодня промахнулся!

– И лучший лучник может ошибиться!

– Посмотрим, что в мешках!

Варавва сильно изменился. Теперь это был крепкий, уверенный в себе чернобородый мужчина с шапкой курчавых волос и седыми висками. Он резко оборвал разговоры:

– Сейчас нет времени осматривать товары! Следом идёт большой караван, охраняемый сотней всадников. А Вооз промахнулся! И раненый охранник может через час доскакать до них. Вооз не получит сегодня доли! Для чего я собирал самых лучших лучников? Вооз, мой гнев на тебе! Те же лучники, кто не промахнулся, получают, как обычно, по три доли. Три доли получит и Ефрем, заарканивший купца.

Один из разбойников заискивающим голосом поинтересовался:

– Опять отпустишь погонщиков, Варавва? Их можно продать – хорошие деньги!

Ответ Вараввы был резок:

– Аарон, ты жаден и глуп! От Иерусалима до Дамаска все караванщики знают, что Варавва не трогает погонщиков! И посмотри – эти даже не обнажили мечи! Что может быть лучше? А ведь они могли пролить твою гнилую кровь, Аарон!

Затем Варавва обратился к купцу:

– Купец, я не знаю тебя – как твоё имя?

– Ахтур из Дамаска...

– Хорошо ли ты известен в Дамаске?

– Меня знают на рынках.

Варавва повернулся в сторону погонщиков:

– Погонщики, к вам моё слово! Оставляю вам ваше оружие, деньги и воду! Возвращайтесь в Дамаск! Скажете семье купца, что его цена – ... пятьсот динариев! За выкупом к ним придёт мой человек. И мы сами доставим купца в Дамаск! По обычаю, в Дамаске вы получите хорошую награду от его семьи! Я всё сказал! Уходите! И поживее, пока я не передумал!

Погонщики, негромко переговариваясь, пошли в сторону Дамаска.

А Варавва уже отдавал команды своим людям:

– Снять оружие с охранников! Трупы – в овраг! Купца связать – и поперёк его верблюда! Да не забудьте завязать ему глаза!

Команды атамана были исполнены слаженно и быстро. Наконец, Варавва отдал последний приказ:

– Всё! Уходим к нашим пещерам! Гоните лошадей и верблюдов! Да поживее!

Караван двинулся в сторону от дороги. Последняя лошадь тащила за собой связку кустов тамариска, срубленных в глубине оврага. Их ветви заметали следы, а ветер уничтожал их окончательно.

4. Начало

Это был богатый дом. Впрочем, современный человек не заметил бы этого – в то время в обитатели Галилеи жили непритязательно, и относительное богатство зачастую означало всего лишь меньшее количество заплат на одежде, чуть менее ветхую домашнюю утварь и привычно сытый желудок.

Ночь была тиха и спокойна. Ни люди, ни домашние животные, ни птицы не издавали ни звука. И дом безмятежно спал. В комнате было очень темно. Лишь иногда мягкие сполохи света от затухающих углей очага позволяли разглядеть сам очаг, но не более того. Слегка пахло гарью, теплом и людьми.

На топчане лежали мужчина и женщина. Мужчина мерно похрапывал. Вдруг раздался слабый стук: три удара – два удара, три удара – два удара. Женщина спала более чутко и проснулась первой. Она села и толкнула в бок мужчину. Тот привычным движением выхватил из-под топчана короткий меч и вскочил на ноги.

Женщина тихо сказала:

– Асир, кто-то стучал в ворота...

– Нет хуже ночных гостей...

Характерный стук повторился.

Асир немного успокоился:

– Это стук Вараввы... Женщина, пойдя спроси, если ответит «Варавва» – откроешь. Иначе не открывай. А я посмотрю с крыши.

По скрипучей приставной лестнице мужчина поднялся куда-то наверх, а женщина, накинув платье, вышла из комнаты... Через минуту комнату вошёл Варавва:

– Мир дому твоему, Асир! Это я, Варавва. Спускайся.

Асир уже спускался вниз со словами:

– Давно ты не появлялся у меня.

– У тебя новая жена?

– Да. Через четыре месяца родит от меня. Покойная Рахиль была неплодна... Но как ты разглядел...

– Поживёшь моей жизнью лет десять – научишься видеть в темноте.

– Фамарь, зажги светильник!

В комнату вошла жена Асира, она зажгла лучину в очаге, затем – от этой лучины – масляный светильник, стоящий на низком столе.

Стало видно, что Асир – толстый мужчина, выглядящий несколько старше Вараввы, а Фамарь – совсем ещё девочка двенадцати-тринадцати лет. Фамарь разложила подушки вокруг стола. Мужчины расселись. Асир первым прервал молчание:

– С чем пожаловал ко мне в Капернаум?

– Сказать тебе, что я не доволен тобой.

– Разве ты мало получаешь через меня?

– В последнее время – всё меньше и меньше. Но главное в другом – стали поговаривать, что ты торгуешь захваченным товаром – моим товаром. Ты стал ленив.

– Чего только не говорят люди...

– О тебе люди говорят правду. И чем больше таких разговоров, тем больше станут тут меня выслеживать, и тем короче будет моя жизнь...

– Долгих лет тебе, Варавва!

– Ты стал ленив. Всё больше товара ты продаёшь в самом Капернауме, всё меньше товаров шлёшь караванами в Тир, Кесарию, Назарет, Самарию. И люди за тобой стали замечать.

– Но на караваны могут напасть в дороге.

– Лицемер! Ты знаешь, что караванам с МОИМ товаром ничто не угрожает. Так?
Вместо ответа Асир шумно и прерывисто вздохнул. Затем упавшим голосом он с трудом выдал из себя:

– ... Простишь ли ты меня, Варавва! Я совсем потерял голову. Торговля стала мне ненавистна. И даже деньги. Я... Я перестал ходить в синагогу.

– Ты, самый набожный из моих людей?!

– Да, Варавва – ибо там священники и книжники поносят Его. Слышал ли ты о новом пророке в Галилее?

– В Галилее что ни год – объявляется дюжина пророков.

– Да, несть числа лже-пророкам. Но Иисус – пророк истинный! Бог – свидетель моим словам!

– Я плохо знаю писания, но даже мне известно, что должны мы ждать пришествия пророка Илии.

– Иисус сказал, что Илия приходил, но не разглядели его люди. И взял Илия имя Иоанна, и под именем сим крестил людей в Иордане, и сам Иисус крестился от него.

– Так твоего пророка зовут Иисус?

– Да, имя ему – Иисус.

– И что он – местный парень?

– Он пришёл к нам из Назарета, там же живёт семейство его.

– Знавал я одного Иисуса в Назарете... Сколько лет ему?

– Не знаю... Наверное, чуть-чуть помоложе тебя.

– Знавал я одного Иисуса в Назарете... А как он выглядит?

– Он... Он светел! Когда он приходит, кажется, воздух становится светлее и чище! Когда он говорит, кажется, что всю жизнь хотелось услышать его голос! Он говорит... Он говорит (Асир встал, лицо его воодушевилось): «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное! Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю! Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут! Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят! Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас! Ударившему тебя по щеке подставь и другую! И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.»

Асир замолк и огляделся так, как будто увидел эту комнату впервые. Он растерянно сел и опустил голову.

Варавва положил руку на плечо Асиру и жёстко сказал:

– Асир, эти слова прекрасны, но они не о тебе. Твои руки в крови. Вспомни, скольких ты убил.

Асир ещё ниже опустил голову отвёл взгляд в сторону.

– Ныне я возлюбил Господа и пророка его. – тихо, но твёрдо сказал он – И прощён буду! И хочу креститься в Иордане от Иоанна, исповедовав грехи свои.

– Слышал я, что недавно взят он под стражу и сидит в темнице у Ирода... Так за что Иисуса поносят в синагоге твоей?

– Не понимаю я. Иисус ведь говорит: «Не нарушить закон или пророков пришел я, но исполнить». Правда, учит он не как фарисеи и книжники, а как власть имеющий. Власть от Бога. Этой властью исцелил он уже многих больных и расслабленных по всей Галилее, и даже бесноватых. У соседа моего, сотника, он излечил слугу, даже не войдя в дом его, просто сказав слово на улице.

– Знал бы сотник, кто у него соседом... Так Иисус жил в Назарете, и моих лет?

– Да.

– Я ведь тоже из Назарета. Знал я в детстве одного Иисуса – одноклассника моего. И был странный случай, который помню я до сих пор. Наложил он ладонь на рану мою. И тотчас перестала болеть, а к вечеру затянулась.

- Варавва! Точно – это он!
 - И он, тот мальчишка, знал все книги на память. Он даже недолгое время вечерами учил меня Закону. Жалко, что лень моя была сильнее его усердия.
 - Варавва! Нет сомнения! Иисус – друг детства твоего!
 - Друзьями мы не были... Нет... Хочу завтра взглянуть на этого Иисуса.
 - Варавва, опасно тебе показаться в городе днём!
 - Вели Фамари, чтобы утром постригла меня, укоротила бороду и окрасила волосы хной.
- Спросят – скажешь, что я Осия, сын дяди твоего из Эммауса.
- Жизнью рискуешь, Варавва! Да и дом сотника рядом.
 - Тридцать лет рискую. Да сбудется всё по воле Божьей!
 - Завтра будет он в синагоге нашей.
 - Там и увижу его.

5. В синагоге

Большой зал синагоги, освещённый настенными факелами, был переполнен людьми. На невысоком возвышении стоял и проповедовал Иисус. Слева от него группой расположились священники и книжники, с другой стороны – его ученики: Пётр, Андрей, Иаков, Матфей и Иоанн. Асир, слушавший, как зачарованный, и рыжебородый Варавва стояли недалеко от Христа и книжников.

Страстный голос Иисуса гремел под сводами синагоги:

– Горе народу Израилеву! В синагогах сели книжники и фарисеи! Всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, но не делают. Они связывают бремена тяжелые и возлагают их на плечи людям, а сами не хотят двинуть и перстом! Любят приветствия в собраниях, и чтобы люди звали их «учитель». Но один у вас Учитель – Господь Бог, вы все же – братья! Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное людям, ибо сами в него не входите и хотящих войти не пускаете! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов, а потом и лицемерно долго молитесь! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность ваших чаш и блюд, а внутри они полны хищения и неправды! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты! Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником!

Время от времени проповедь прерывалась протестующими криками священников и книжников, бросавшими на Иисуса яростные взгляды:

- Он богохульствует!
- Он же ест и пьёт с мытарями и грешниками!
- Не слушайте его, люди, ибо он безумен!
- Из Назарета его прогнали, так пришёл смущать народ в Капернауме!
- Из Назарета может ли быть что доброе!
- Не пророк – а плотник, сын плотника! Известен!
- Да он же бесноватый!
- Красноречие его – от бесовского князя!
- Да он сам Вельзевул!

Особенно неистовствовал один молодой книжник – Иссахар. Он был совершенно не в силах сдерживать себя, его глаза сверкали, в бессильной злобе он потрясал клаксами и яростно выкрикивал угрозы:

- Горе и позор Израилю, что породил тебя!
- За хулу твою повинен смерти!
- Да что же мы не гоним его из синагоги!
- Убить его как собаку!

Постепенно Варавва подобрался поближе к Иссахару, наконец встал за его спиной и через несколько минут его тонкий слух уловил в шумном зале, как Иссахар злобно и испулённо прошептал:

– Не другой праведный человек, так я убью его... Жалко, нет с собой ножа... Убью его! Клянусь всеми пророками! Так будет угодно Господу!

Между тем, простым людям проповедь Христа нравилась всё больше и больше, Время от времени кто-нибудь из них раздражённо выкрикивал:

- Не мешайте ему!
- Пусть говорит!
- Где же и учить, как не в синагоге!
- Знаю отца его Иосифа – добрый человек!
- А ведь верно про фарисеев!
- Тише! Тише!

Иисус закончил. Немного помолчав, он тихо и грустно сказал:

- Вижу, семя Авраамово, что слово мое не вмещается в вас...

Затем он обратился к своим ученикам:

- Выйдем из синагоги сей.

И они прошли к дверям через расступающуюся толпу.

Асир и Варавва сидели за столом в доме Асира. Косой луч света падал в комнату из небольшого высоко расположенного оконца.

– Я узнал его сразу. Как только увидёл. – Уверенно сказал Варавва. – Это он – учитель Закона в детстве моём.

- Теперь он стал выше Закона. Уверовал ли ты в него, Варавва?

– Уверовал и в слова Иисуса, и в святость его. Он учитель, посланный народу Израилеву от Бога, ибо таких слов, какие он говорит людям, никто не может сказать, если не будет с ним Бог!

- Истинно говоришь, Варавва! Блажен будешь в Царстве Божьем!

– О блаженстве ли думать – страх терзает душу мою. Погубят его правители и фарисеи, ибо не имеют врага, страшнее, чем он. Понял ли ты это, Асир?

– Слышал я сегодня слова их. Но местных я знаю – они малодушны и не замыслили погубить Иисуса.

– Ты стал ленив, Асир. И уши твои запечатаны воском – в трёх локтях от тебя решено было предать Иисуса смерти!

- Пугаешь ли меня, Варавва!?

- Видел ты молодого книжника, потрясающего кулаками на Иисуса?

- Знаю его – это Иссахар.

- Сегодня он поклялся самолично убить Иисуса.

- Верить ли мне?!

– Иссахар поклялся всеми пророками. Ведь Иисус – сын человеческий, и по сему – смертен. Горе Израилю, если погибнет он и не завершит дело своё!

- Надобно помешать Иссахару!

– ... Сказал Иисус, что подобен он доброму пастырю, который жизнь положит за овец своих... – Варавва глубоко вздохнул и, глядя на падающий из окна луч света, поклялся, – Стану же этому пастырю верным псом, который жизнь положит за него! Клянусь всем горем и всем счастьем жизни моей!

- Иссахар может...

- Не беспокойся... Иссахар – наименьшее из всех зол.

6. Иссахар

Иисус стоял на небольшом ящике в пяти шагах от высокой стены синагоги. Слева и справа его обступали ученики, глаза которых были обращены в сторону Иисуса и большой толпы жителей Капернума, собравшихся на его проповедь. За спинами Иисуса и его учеников находился только один человек – Варавва. Он тоже во все глаза смотрел на Иисуса и с восторгом слушал его, не забывая, однако, время от времени посматривать по сторонам.

Голос Иисуса звучал страстно и убедительно:

– Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьёт, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «безумный», подлежит геенне огненной... Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу, и не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже любодействовал с нею в сердце своем... Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну...

Вдруг в отдалении у стены появился человек – это был Иссахар. В его руке было что-то, завёрнутое в тряпку. Постояв немного и осмотревшись, он неторопливо, шаг за шагом начал приближаться к Иисусу. Стараясь остаться незамеченным, он жался к стене. Ничем не показав, что он заметил Иссахара, Варавва, как бы ненароком, сделал несколько медленных шагов в сторону Иисуса и оказался рядом с ним, так что его спина была обращена в сторону Иссахара. Оставаясь незамеченным людьми и учениками Иисуса, Иссахар достал из тряпки нож. Вид острого лезвия его крайне возбудил. Сделав два быстрых глубоких вдоха и беззвучно что-то прошептав, Иссахар с ножом наперевес бросился к Иисусу. В тот же миг Варавва резко обернулся навстречу Иссахару. Их взгляды схлестнулись. Лицо Вараввы было спокойно, на лице Иссахара появилось отчаяние, но он продолжил свою атаку – теперь уже на Варавву. Тот резко перехватил руку Иссахара, подставил ему ногу и ловко извернулся, так что нож вонзился в плечо самому нападавшему. На лице Иссахара выступили боль, недоумение и обида. Не издав ни звука, он сгорбился и стал падать. Варавва поддержал Иссахара, крепко обнял его и с едва слышными словами «Тихо... Тихо... Тихо» медленно повёл его вдоль стены прочь от Иисуса.

Он подвёл Иссахара к группе книжников, стоящих при входе в синагогу. Увидев, в каком состоянии находится Иссахар, несколько книжников подбежали к нему, подхватили его на руки и унесли в синагогу.

– Вижу, знаком вам человек сей. – обратился Варавва к оставшимся книжникам. – Он обознался и напал на меня на площади. С этим ножом. Рана его не опасна и излечится через месяц... Даже не знаю, подать ли мне на него...

И Варавва направился к своему месту позади Иисуса.

Один из книжников процедил сквозь зубы:

– От Иссахара можно ли было ждать чего полезного...

7. Погоня

Во дворе дома Асира, под навесом у стены стоял грубо сколоченный стол. На нём был установлен небольшой круглый точильный камень с ручкой. Вращая её, Варавва тщательно оттачивал лезвие своего кинжала. На столе лежал и короткий меч. Видно было, что эта работа Варавве в удовольствие – он даже напевал что-то неразборчиво-весёлое себе под нос.

Ворота с треском распахнулись, и с улицы вбежал Асир:

– Беда, Варавва! Беда!

– Что опять случилось в этом городе? – спросил Варавва, не прерывая своей работы

– Они написали прошение правителю Пилату! Винят Иисуса, что он смущает народ и подбивает его к мятежу против кесаря! Что толпы, следующие за Иисусом, вооружены! Они просят правителя схватить Иисуса и судить его как мятежника!

Варавва остановил работу и в сердцах метнул кинжал в деревянный столб – одну из подпорок навеса – кинжал с глухим стуком глубоко вонзился в дерево.

Варавва задумался. Потом задал вопрос:

– Как и когда собираются они послать прошение в Иерусалим?

– Оно уже послано – час назад сотник назначил нарочными гонцами двух стражников, и они уже выехали из города верхом на мулах.

– Седлай своего коня, Асир!

Варавва быстро пошёл в дом, а Асир – в конюшню.

В одной из комнат дома Варавва приподнял незакреплённую половицу и достал из-под неё мешок с деньгами. Взяв с полки два маленьких кожаных мешочка (кошелька), он до краёв заполнил их монетами, после чего перевязал их ремешками и спрятал за пазуху. Положив мешок с деньгами обратно под пол, Варавва вышел во двор, где его уже ждал Асир с осёдланной лошастью, взятой под уздцы. Подпоясавшись поясом с кинжалом и мечом, Варавва легко вспрыгнул на коня и спросил Асира:

– Каковы эти стражники на вид?

– Один из них – Азария – очень рослый и с родимым пятном на щеке. Вооружены оба.

Асир пошёл открывать ворота на улицу.

– Асир, я не поеду через город! – остановил его Варавва. – Открой мне лучше калитку в огородах.

В другой стороне двора Асир открыл маленькую калитку. Перед тем, как уехать, Варавва сказал ему:

– Жаль, что нет для тебя второго коня... Ничего, сейчас же пойдёшь пешком на Иерусалим. Не далее Тивериады встречу тебя. Возможно, передам тебе их мулов, которых ты продашь подальше от Капернаума, чтобы не были опознаны.

С этими словами Варавва прищипорил коня и тот унёс его в сторону Тивериады.

По залитой солнцем равнине ехали двое стражников. Их мулы шли бодрой ровной рысью. Позади них послышался всё более громкий стук копыт.

– Слышишь, Хайм, кто-то очень торопится... – не оглядываясь, заметил Азария.

– По такой жаре загонит он лошадь свою.

– Может римский солдат с эстафетой?

Хайм обернулся:

– Нет... Не похоже... Иудей....

Варавва обогнал стражников и тут же развернул своего тяжело хрипящего коня поперёк дороги. Он поднял руку с плетью и крикнул стражникам:

– Стойте!

Стражники остановили своих мулов. Варавва бросил плеть на землю, полез освободившейся рукой за пазуху, достал оттуда два кошелька и протянул их стражникам:

– Стойте! По триста статиров каждому за письмо ваше! По триста статиров – и вы возвращаетесь в Капернаум через месяц и говорите сотнику, что хотите! По триста статиров! Ну?!

– Как же мы оставим дома свои и семейств свои... – начал было бормотать Хайм.

Ещё громче и настойчивее выкрикнул Варавва:

– И в добавок по триста статиров каждому, после того, как вернётесь. Ну же!! Ну?!

Тут Азария понял, что к чему:

– Верно, ты один из учеников Иисуса, что поносит священников наших и хочет погубить народ Израиля! Не будет по-твоему!

– Не будет по-твоему! – подхватил Хайм.

Азария и Хайм обнажили мечи. Варавва бросил кошельки в сторону и тоже выхватил меч.

– Сами вы выбрали удел свой! – С этими словами Варавва бросил своего коня в сторону Хайма, и они сразились на мечах, оставаясь в сёдлах. Повинуясь всаднику, конь Вараввы, двинулся так, что мул Хайма отгораживал Азарию от Вараввы, и тот ничем не мог помочь Хайму. Обмен ударами был недолог, и Хайм с распоротым животом вывалился из седла. Мул Хайма взбрыкнул и отбежал в сторону.

Варавва остался один на один с Азарией и сразу понял, что тот был сильным и умелым воином. Они сражались уже около минуты, когда, отбив удар Вараввы, Азария смог смертельно ранить коня Вараввы – он взвился на дыбы и упал набок, придавив Варавву. Варавва тут же попытался высвободиться из-под коня, но придавленная нога запуталась в стремях. Азария быстро спрыгнул со своего мула и с гаденькой улыбочкой приблизился к Варавве. Тут Варавва взмахнул рукой – и в горло Азарии вонзился кинжал. Азария захрипел и пал на дорогу.

Варавва выбрался из под коня, подошёл и присел на корточки возле тела Азарии, вынул из его шеи свой кинжал, отёр его об одежду Азарии и сунул в ножны. После этого он снял с пояса Азарии холщёвую сумку, раскрыл её и достал оттуда скреплённый печатью свиток. Он встал, скомкал свиток и бросил его обратно в сумку, закрыл и приторочил её к своему поясу. Потом он внимательно осмотрелся, поднял с дороги брошенные им кошельки и сунул их за пазуху. Затем подошёл к одному из мулов, мирно щипавших траву у дороги, взял его под уздцы, подвёл к телу Азарии и взвалил его на спину мулу. Тот нервно и опасливо покосился на поклажу. Варавва взял мула под уздцы и отвёз тело Азарии в недалёкую рощицу. То же самое он сделал и с телом Хайма. Возвратившись, он снял седло со своего коня, подобрал с дороги мечи стражников и одну их двух их уздечек, пошёл со всем этим в рощицу и возвратился уже с пустыми руками. Он подобрал с дороги свою уздечку и уздечку одного из стражников и в последний раз внимательно огляделся вокруг, сел на одного из мулов, и, держа второго мула за уздечку, направился в сторону Капернаума.

Скоро Варавва повстречал Асира, быстрым шагом идущего ему навстречу.

– Всё ли в порядке? Ты не ранен, Варавва? – тревожно спросил Асир.

– Я цел. Но конь твой пал.

– А стражники?

– Их нет. Я всё прибрал. Только конь остался на дороге.

Варавва слез с мула и приказал:

– Вот, садись на любого и продай обоих в Тивериаде, там же купи нового коня, а я пешком вернусь в дом твой. Всё ли ты понял, Асир?

– Да, Варавва.

– Тогда расходимся.

Варавва шёл по каменистой дороге. Проходя мимо небольшого пруда, он свернул к нему. На берегу он снял с пояса сумку с посланием к Пилату, развязал её, положил внутрь большой камень, завязал её крепко-накрепко и бросил в воду. Досмотрев до конца, как стихли волны на поверхности воды, Варавва отряхнул друг о друга руки и энергичным шагом пошёл к дороге.

8. Умножение хлебов

Это была холмистая местность с разбросанными кое-где большими валунами и скалистыми обрывами. По петляющей меж холмов дороге, оживлённо беседуя с учениками, шёл Иисус. Впереди на удалении 300—400 шагов шагал одинокий путник. Это был Варавва. Иногда, прежде, чем зайти за очередной изгиб дороги, он оборачивался и проверял, где находятся следующие за ним. Варавва внимательно осматривал окрестности впереди и по сторонам дороги. Иногда он останавливался и во что-то внимательно вглядывался. Потом шёл дальше.

На склоне одного из придорожных холмов, шагах в пятидесяти от дороги, замаскированный большим валуном и кустами, расположился оборванный человек с большим боевым луком. Человек сидел и внимательно смотрел на дорогу в направлении, откуда должен был появиться Иисус с учениками. Самого его с дороги почти не было видно.

Однако, подойдя к этому месту, Варавва заметил конец лука, прислоненного к валуну. Не меняя шага, Варавва спокойно прошёл это место. Затаившегося человека он ничем не заинтересовал. Но, пройдя шагов двести, Варавва свернул с дороги и бесшумно и стремительно побежал к тому месту, где он заметил лук. Немного не добежав, он перешёл на шаг и стал особенно внимателен и осторожен. Наконец, Варавва заметил притаившегося человека и остановился, наблюдая за ним.

Когда человек заметил приближающегося Иисуса, он быстро встал, достал стрелу из колчана, зарядил ею свой лук и изготовился к стрельбе, ожидая, когда Иисус подойдёт поближе. Варавва достал кинжал и медленно подкрался к человеку за его спиной. Варавва незамеченным подошёл к нему вплотную, крепко охватил его рукой и приставил лезвие кинжала к его горлу, грозно прошептав при этом:

– Ни звука! И не шевелись!

Варавва и человек, без единого звука, застыв, как изваяния, наблюдали, как не подозревающие о происходящем Иисус и его ученики проходят мимо них. До них доносились плохо различимые слова и смех.

Наконец Варавва отпустил человека и отошёл от него на пару шагов. Человек обернулся. В его глазах застыли слёзы. Рука человека разжала лук, и он упал на землю. Следом на землю безвольно опустился и сам человек. Он плакал, тихо всхлипывая и не утирая слёз

Через некоторое время он заговорил:

– Зачем... зачем ты не дал мне его убить!

– Почему ты ищешь убить Иисуса?

– В нём причина всех бед моих!

– Я вижу, ты не фарисей, не книжник, не богач, не власть имеющий. Это они мыслят, что Иисус враг им. И даже они ошибаются.

– Я простой крестьянин. Но Иисус погубил всю жизнь мою.

– Не могу поверить. Иисус не может сделать зла.

– Слышал ли ты о случае, когда он, являя чудеса свои, накормил тысячи человек пятью хлебами?

– Люди говорят, что это было.

– В день тот было и другое... В тот чёрный день проповедовал он недалеко от дома и поля моего... Были у меня и дом, и поле, и виноградник. Были, ибо сегодня их нет... Многие тысячи людей пришли к Иисусу... И вытоптали они поле моё... И нашлись среди них, кто разорил виноградник мой... И нашлись другие среди них, кто переловил всю птицу у дома моего и увёл ослов моих. И я был побит жестоко. И разорён. И не смог отдать долгов моих... И принужден был я бежать от дома моего. И рассеялось семейство моё... И решил я тогда отомстить Иисусу, ибо он – виновник горя моего. Так замыслил я убийство.

Варавва сел рядом с человеком и спросил:

– Как зовут тебя, добрый человек?

– Илия.

– Не гневайся на меня, Илия. Ибо случилось мне сейчас спасти душу твою, убережь её от греха, которому нет равного! Не повинен Иисус в горе твоём! Ибо возлюбил он Господа и людей – более, чем самого себя! И явился он нам, чтобы спасти народ Израиля. И нет любимее для него людей бедных и простых душой. Придёт время, и ты уверуешь в Иисуса и в правду его! А виной разоренью твоему не он, а люди, глухие к слову его. В стаде большом найдутся овцы паршивые. Что же говорить о толпе, о многих тысячах людей... Но во имя Иисуса – помогу тебе, Илия. В седьмой день от сегодняшнего пойдёшь в Капернаум, найдёшь дом купца Асира и войдёшь к нему, и скажи ему только, что ты Илия-лучник, и даст тебе триста динариев, чтобы начал ты жизнь новую. Довольно будет тебе?

Илия встал на колени перед Вараввой и медленно поклонился ему, коснувшись земли лбом и ладонями:

– Да благословит тебя Господь! И семейство твоё! И детей твоих! И всё, что имеешь ты и будешь иметь! Довольно ли будет мне?! Да буду я жить... лучше прежнего! Одно лишь смущает меня – как же мне отблагодарить тебя за такое!

– Не думай об этом. Не ищущу я благодарности на земле Израиля. Да и простит ли она меня... Но я должен продолжить путь мой.

Они встали.

– А хорошо ли ты стреляешь, Илия? – спросил Варавва.

– До дня того не держал в руках оружия... Но купив лук на последний статир, многие дни стрелял я и стрелял, дабы не промахнуться в день мести моей. И вот, смотри – видишь деревце за дорогою?

Илия поднял лук и стрелу и, тщательно прицелившись, выстрелил – стрела со свистом и глухим ударом попала в тоненький ствол дикой маслины и расщепила его надвое.

9. Ослица

Солнечным утром по узкой наезженной дороге, петляющей меж холмов шёл Иисус в окружении учеников, которые шагали молча, с серьёзными лицами и не беспокоили Учителя вопросами и разговорами. Чуть позади за ними следовали пятнадцать-двадцать человек, в том числе и несколько женщин.

Иисус шёл, не размахивая руками в такт своим шагам. Они были то сложены за спиной, то одна рука держала или поглаживала другую, то его пальцы были нервно сцеплены на груди. На его лице одно выражение часто сменялось другим: тяжкие раздумья, светлая радость, беспроектная грусть, глубокая скорбь. Иногда он на ходу надолго закрывал глаза. И тогда губы его что-то беззвучно шептали. Время от времени раздавались тихие голоса сопровождавших его людей:

- Недалеко уже до Иерусалима.
- Чем-то он нас встретит.
- Нам что... А вот как они встретят Учителя...
- Не замыслили бы худого.
- Что может быть худого во Храме Божьем.
- Иаков, у тебя не осталось попить?
- Немного есть, но сбережём для Иисуса, хорошо?
- Конечно.
- Что-то я уже устал
- Хорошо, ещё не так жарко.
- А неплохо бы отдохнуть.
- Женщины, наверное, устали.
- Да и Учитель, наверное, устал.
- По нему не видно.
- Ему сейчас не до усталости...

Вдруг раздался голос Иисуса:

– Остановимся отдохнуть в этой придорожной роще. Смотрите, какой прекрасный вид на Елеонскую гору... Земля уже нагрелась, – продолжил он, – можете немного подремать.

- А ты, Учитель?
- Мысли не дают мне покоя! Я похожу в роще, один...

В это время на ту же дорогу, неподалёку от места, где остановились Иисус и его ученики, из придорожного селения быстрым шагом вышел Варавва. Был он бос, одет в самый простой хитон из небелёной ткани и перепоясанный поясом, на котором висел его любимый кинжал. Его голову покрывала повязка, стянутая ремешком.

– Где же Иисус... Как я мог потерять их... Горе мне!... – шептал себе Варавва, – Вдруг что-то случилось!... Вдруг он уже в Иерусалиме? Нет, не может быть... Я бы нашёл. ...Значит, должен он идти этой дорогой из Иерихона... Господи, помоги мне!

Через несколько минут Варавва нагнал небольшой, неспешно и вразброд движущийся вдоль дороги табун лошадей и ослов. Табун погонял маленький тщедушный человек и двое его малолетних сыновей. На плече у него болтался холщовый мешок.

Поравнявшись, Варавва обратился к человеку:

- Добрый человек! Нет ли у тебя воды? Умираю от жажды!

Человек остановился со словами:

- Мир тебе, путник!

Глядя на него останавливаются и дети. А он полез в свой мешок и достал из него небольшой кувшин:

– Допивай всё, что там осталось. Нам уже недалеко до дома.

Варавва с наслаждением напился и протянул пустой кувшин человеку:

– Господь да возблагодарит тебя!

Человек сунул кувшин в мешок и снова зашагал по дороге, щёлкая кнутом и криками взбадривая табун:

– Хей! Хей! Шевелись!

Внезапно раздались нестройные истошные вопли, и из-за придорожных кустов на дорогу выскочили три разбойника. Размахивая короткими мечами, они побежали в сторону хозяина табуна. Варавва поднял вверх руку и зычно выкрикнул:

– Остановись, Саул! И пусть твои люди уберут мечи!

В это время дети подбежали к отцу и спрятались за его спиной.

Саул с другими разбойниками, не торопясь, вразвалочку подошёл к Варавве. Клинки своих мечей они положили себе на плечи. Саул остановился напротив Вараввы, а двое разбойников обошли его и стали у него за спиной.

– Ты ли это, Варавва!? – Саул ухмыльнулся. – Тебя трудно узнать. Так это твой табун?

– Нет, он принадлежит этому почтенному человеку. Но вы его не тронете, ибо это мой друг!

– Как ты изменился, Варавва! Говорят, ты стал неспособен пролить кровь! Тогда какая цена твоим словам?

Саул сделал едва заметный знак за спину Варавве. Один из стоящих там разбойников взмахнул мечом. В то же мгновение Варавва выхватил кинжал, и пригнувшись, одним мощным широким движением вспорол животы обоим стоявшим за его спиной разбойникам – они с глухими стонами повалились на землю. Варавва быстро обернулся к Саулу, который оторопело стоял всё в той же позе, но уже с выражением животного страха на лице.

– Положи меч на землю, Саул. – Очень спокойно сказал Варавва. – И тогда пощажу тебя.

Саул наклонился и медленно, дрожащими руками положил меч на дорогу.

– Ты всегда был трусом, Саул! – продолжил Варавва, – Иди прочь! И расскажи всем о бессильном Варавве!

Саул опасливо и неуверенно повернулся к Варавве спиной. Варавва сильно ударил его ногой в зад, и Саул, не оборачиваясь, убежал за кусты. Дети смотрели на Варавву с восхищением. А их отец упал перед ним на колени:

– Путник, ты спас наши жизни! Да вознаградит тебя Господь! А от меня... а от меня возьми сейчас....

Он вскочил, бросился к табуну и быстро возвратился с ослицей на верёвке. За ослицей бежал её ослёнок.

– Вот, не откажись принять от меня лучшую ослицу мою! Она плодовита и приносит отличных, крепких ослят – посмотри! – человек показал рукой на ослёнка и продолжил, – и его тоже прими от меня вместе с матерью его!

Варавва смутился и ответил:

– Не нужна мне награда от тебя. Доброе дело само служит наградой сделавшему.

– Не обижай меня, путник! Прошу – прими! Ради детей моих и ради Господа!

Варавва, развёл руками:

– Ну что с тобой делать... Принимаю твою ослицу.... Но давай сначала спрячем тела за кустами. Бери того, что поменьше.

Они взяли тела разбойников за ноги и утащили их в сторону с дороги. Когда они вернулись на дорогу, Варавва посоветовал:

– А мечи их не бери с собой, если не хочешь себе худого. Дети – бросьте их за кусты!

Дети тут же потащили с дороги тяжёлые для них мечи, волоча их клинками по земле. А Варавва спросил человека:

– А нет ли поблизости родника, чтобы набрать мне воды на дорогу?

– Тебе надо немножко вернуться! Видишь то дерево на холме у дороги недалеко от селения? Родник прямо под ним!

– Бог тебе в помощь!

– И тебе тоже, путник!

И Варавва зашагал к селению в ослицей на верёвке и ослёнком.

Варавва подошёл к роднику, бившему в прохладной тени мощного дерева. Весело журчала вода. Мягкая сочная трава обрамляла русло ручья.

Варавва подумал:

– Благодать! Отдохну здесь немного... А ослица попасётся... И что мне с ней делать!

Варавва привязал ослицу к молодому лавру, сел, раскинув ноги и прислонившись спиной к стволу дерева, и прикрыл глаза.

Из рощи, на окраине которой расположились на отдых ученики Иисуса, к ним вышел Иисус.

– Скоро выходим! – Сказал он решительным голосом. – Пётр, сын Ионин, и Иоанн Зеведеев, пойдите в селение, которое впереди, и найдёте ослицу привязанную и молодого ослёнка с нею; отвязав, приведите ко мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу, и тотчас пошлет их.

Пётр и Иоанн, со словами «Сделаем, как ты сказал, Учитель!» тотчас встали и, подпоясавшись, и пошли выполнять приказ.

Варавва, голый по пояс, с обильной растительностью на груди и плечах, шумно «ухая» от ледяной воды, умывался в ручье чуть пониже родника, когда Пётр и Иоанн подошли к этому месту. Сидя на корточках у ручья, Варавва спокойно, но с интересом посматривал на то, как Иоанн уже оглаживал ослицу, а Пётр деловито отвязывал верёвку от дерева.

– Чего только не увидишь в земле Израилевой... – негромко сказал Варавва. – Зачем отвязываете ослицу?

– Она надобна Господу! – ответил Пётр, не оборачиваясь к Варавве

– Так вот вы кто... Что же... Посылаю ослицу мою с вами! – ... и Варавва продолжил уже шепотом, – значит, таков был промысел Его...

Иаков и Иоанн повели ослицу к дороге, за ней с прыском поспешал ослёнок. Подождав немного, Варавва пошёл следом.

Пётр и Иоанн возвратились к роще. Завидев их, ученики и прочие люди встали. Двое учеников, пошли вглубь рощи и возвратились с Иисусом, который, подойдя к ослице и оглядев её, сказал:

– Въеду в Иерусалим на ослице сей.

– У кого какие одежды про запас – положим на спину ослицы! – предложил Пётр.

Люди положили на ослицу свои одежды.

– Садись, Учитель! Тебе будет удобно, – обратился к Иисусу Пётр. Иисус сел поверх одежд на ослицу, и Пётр повёл ослицу за верёвку к дороге. Остальные пошли следом, ближние тихонечко похлопывали ослицу по крупу. А когда люди вышли на дорогу, воодушевление охватило их:

– В Иерусалим!

– В Иерусалим!

- Благословен наш путь к Храму Божьему!
- Осанна Учителю!
- Осанна Иисусу!
- Благословен Грядущий во имя Господне!

10. Въезд в Иерусалим

Пронзительно ярок был этот день. Казалось, что воздух – прозрачнее, трава и листья – зеленее, птичьи голоса – звонче и радостнее, чем обычно. По широкой дороге, ведущей к городским воротам, в сопровождении учеников и сотен других людей, верхом на ослице Иисус подъезжал к Иерусалиму. Множество народа стояло по сторонам дороги и на разные лады приветствовало его. Кто-то постилал под ноги ослицы веточки деревьев, а кто-то – и свои одежды. Всех охватила атмосфера долгожданной радости и счастья. На лицах всех людей, включая Иисуса и идущего в толпе неподалёку от него Варавву, – сияли радостные улыбки. И идущие вместе с Иисусом и встречающие его ликовали:

- Слава Иисусу!
- Пришёл в Израиль спаситель мира!
- Благословенно грядущее во имя Господа!
- Благословен Грядущий во имя Господне!
- Осанна Сыну Давидову!
- Благословен будет Израиль!
- Спасет он людей от грехов их!
- Осанна в вышних!
- Мир на небесах и слава в вышних!
- Благословенно царство отца нашего Давида!
- Благословен Царь, грядущий во имя Господне!
- Осанна!
- Спаситель наш!
- Спасён будет народ Израиля!

И вот Иисус миновал ворота. В городе его встретили так же, как и за пределами его. Лишь некоторые спрашивали:

- Кто это?
- И слышали в ответ:
- Это же Иисус!
 - Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.
 - Это Иисус Назарей!?
 - Явился спаситель наш!

Двое фарисеев быстро подошли к Иисусу и выпалили ему:

- Запрети им так славить тебя!
- Пусть умолкнут ученики твои!

Лицо Иисуса посерьёзнело, и он с грустью ответил:

- Если они умолкнут, то камни возопиют...

И тут лицо Иисуса стало совершенно горестным.

– Плачу по тебе, Иерусалим... – прошептал он про себя. – Если бы ты, хотя бы в сей день узнал, что служишь миру твоему... Но сокрыто это от глаз твоих... И придут дни, когда враги твои обложат тебя окопами и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих, и не оставят в тебе камня на камне за то, что не узнал ты времени посещения твоего...

11. Авессалом

Это было обширное помещение с низким потолком, поддерживаемым деревянными столбами, и несколькими входными дверями. Повсюду в нём роскошь была смешана с грязью. Множество пьяных мужчин и женщин создавали оглушающий гвалт. За некоторыми столами играли в кости. Двое яростно дрались – на них не обращали внимания.

За небольшим низким столиком на широкой скамье сидел крепкий мужчина средних лет с усталым и пронизательными глазами. Имя его было Авессалом. Одежда его была очень скромной, но аккуратной. И был он абсолютно трезв. В столешницу перед ним был воткнут, кинжал, рядом с ним стояло блюдо с нечищеными грецкими орехами, и лежало несколько скорлупок. Он о чём-то разговаривал с сидящим рядом с ним человеком, который что-то говорил – гораздо чаще и продолжительнее него. Авессалом не смотрел на этого человека. Тот же постоянно устремил свой заискивающий взгляд на лицо Авессалома. Человек достал кошелек и положил его перед Авессаломом. Авессалом словно не заметил кошелек, и лицо его осталось бесстрастным. После этого сидящий рядом с ним человек совершенно разволновался. Повернувшись к Авессалому всем телом, он говорил ему о чем-то горячо и страстно, судорожно теребя одежду на своей груди. Внезапно он достал второй кошелек и положил его рядом с первым. Авессалом слегка поднял руку. К ним тотчас подбежал трусцой шустрый старичок. Авессалом сделал небрежный жест рукой в сторону. Старичок забрал кошелек и той же трусцой унёс их куда-то за одну из дверей. Авессалом откинулся спиной к стене и что-то коротко сказал собеседнику. Тот тут же встал и, кланяясь Авессалому, стал пятиться от стола, потом развернулся и быстро вышел.

Авессалом взялся рукой за лезвие кинжала, качнул и вытащил его из столешницы, и затем рукоятью кинжала расколол орех в ладони другой руки. Выбрав дольки ореха, он бросил их себе в рот.

К Авессалому подошла красивая молодая женщина, молча отодвинула столик и села к нему на колени. Повернувшись к нему грудью, она стала перебирать руками его волосы. Он откинулся к стене и закрыл глаза. Через минуту он встал, и держа женщину за руку, повёл её к одной из дверей.

В этот момент открылась другая дверь, и Авессалом заметил, что в помещение вошёл Варавва. Авессалом бросил руку женщины и остановился, Варавва тоже увидел Авессалома и направился к нему. Не доходя пары шагов, Варавва остановился и поклонился Авессалому:

– Приветствую тебя, князь воров и разбойников городских!

– Неужели сам знаменитый Варавва оказал мне честь и явился в удел мой! Что же, проходи. Садись.

Авессалом сделал приглашающий жест, и, пропустив Варавву вперёд, возвратился вместе с ним к своему столику. Опережая их, к столику подбежали какие-то люди – они смахнули скорлупу на пол и устали стол блюдами с мясом, сыром, хлебом и кувшинами с вином. Авессалом уселся на скамью. Варавва взял стоящий неподалёку низкий табурет и сел рядом с Авессаломом лицом к нему.

– Что привело тебя в Иерусалим? – сразу же спросил Авессалом.

– Я пришёл с пророком Иисусом.

– Слышал я, он ходит с учениками. Неужели ты из их числа?

– Нет.

– Чего же ты хочешь?

– Чтобы волос не упал с головы его в городе сём.

– Чего же ты хочешь от меня?

– Всего опаснее ему будет во Храме, куда войдёт он непременно. Хочу, чтобы вышел он из храма и чтобы не был побит. Сделать так – в твоей силе и власти. И повели своим людям обходить Иисуса стороной... И учеников его.

– Хочешь ты, чтобы великий грешник помог великому праведнику...

– Я и сам грешен не менее тебя.

– Ты не верил ни в Бога, ни в Дьявола... Говорили мне, что ты переменялся...

– Ныне верую я только в одно – что должен я уберечь Иисуса по мере сил моих.

– И ты веришь в чудеса его?

– Многим сам я был свидетель. Но не в чудесах его сила, а в слове его.

– Видно, настало время послушать и мне...

– По десять динариев дам каждому, кого пошлешь ты во Храм охранять его, и пятьсот тебе за помощь твою.

Варавва достал и положил перед Авессаломом большой тугой «кошелёк». К столу трусцой подбежал старичок, унёсший со стола «кошелек» за несколько минут до этого. Авессалом отрицательно покачал головой. Старичок убежал.

– Сколько же денег скопил ты в кладах твоих... – ухмыльнулся Авессалом. – Был ты удачливее многих... Но не возьму я деньги твои, ибо помню, что я твой должник. Дважды спас ты жизнь мою во дни дерзости и глупости моей. И не было мне прежде случая отплатить тебе. Возьми свои деньги, Варавва.

Авессалом взял кошелёк и протянул его Варавве, тот не стал возражать и убрал его за пазуху.

Авессалом продолжил:

– Итак, первое – не будет Иисусу обид от людей, мне подвластных. Второе – правильно ли понял я, что тебе нужна помощь только во Храме, где восседают главные враги его и множество стражи?

– Да. Ибо в других местах достаточно будет силы моей.

– Не усомнюсь в этом. Хорошо, будет Храм для Иисуса самым безопасным местом в городе сём – моё слово!

– Теперь я твой должник, Авессалом.

– Как знаешь... Но сейчас... надобно мне покинуть тебя и дом сей. Если голоден, останься и поешь. Потом, любую из женщин можешь взять на ложе твоё. Потом, если пожелаешь уйти до рассвета, проводят тебя до места твоего.

– Да, я останусь. Но не долее двух часов. Благодарю тебя, Авессалом... И скажи... почему Мардохей бежит, как собачонка, а не ходит степенно, как положено в годы его?

– Посягнул он на деньги мои. Был я милостив в день тот, и он не был казнён. Но с того дня до конца жизни своей не смеет он перейти на шаг, ибо тогда отложенная казнь достигнет его. И прочие, видя то, уразумеют... Прощай, Варавва!

– Прощай, Авессалом!

Авессалом поднялся и пошёл к выходу. Варавва сел поудобнее с жадностью стал есть и пить. При этом он оценивающе поглядывал на женщин. Некоторые из них, заметив взгляд Вараввы, приосанивались и призывно улыбались.

12. В Храме

В этот пасмурный и ветреный день, миновав шумную площадь перед Храмом, Иисус в сопровождении учеников и десятков других людей подошёл к его ступеням. Среди этих людей был и Варавва, причем на этот раз довольно близко к Иисусу. Отовсюду раздавались приветствия и возгласы:

- Благовестуй нам, Иисус!
- Восславим Господа и пророка его!
- Осанна Сыну Давидову!
- Иисус будет учить во Храме!
- Благословен Иисус в Израиле!
- Осанна!
- Спаси нас, Иисус!
- Осанна!
- Теперь Иисус воссядет во Храме!
- Славен Иисус, пророк Божий!

На ступенях Храма расположилось множество калек и нищих. Наверху у ворот стояла храмовая стража – человек десять.

Иисус остановился перед ступенями и негромко произнёс:

- Вот я и пришёл к дому Отца моего...

Иисус стал поднимается по ступеням, и со всех сторон к нему потянулись калеки:

- Иисус!
- Спаси!
- Исцели меня, Иисус!
- Дотронься до меня!
- Вот я, у ног твоих!
- Иисус!
- Верую в тебя!

Иисус наклонялся влево и вправо, прикасался то к одному, то к другому. Идущие рядом с Иисусом ученики невольно оттесняли калек, а за их спинами слепые учащённо моргать и обескуражено крутили головами, хромые выпрямлялись и неуверенно делали правильные, здоровые шаги. Они что-то говорили, что-то кричали вслед Иисусу с восхищёнными и благодарными лицами, но в шуме толпы их голоса были неразличимы.

Войдя в ворота Храма, Иисус снова остановился. Лицо его потемнело – Он увидел перед собой обыкновенный базар: столы меновщиков, плетёные клетки с голубями, блеющих овец, мычащих волов, множество крикливых покупающих и продающих. Иисус пошёл между рядами, его руки не находили себе места, глаза его яростно блестели. Не глядя, он взял со стола одного из торговцев верёвку. Тот начал что-то гневно кричать вслед Иисусу, схватил другой конец верёвки, но какой-то человек ударил его по руке, и верёвка выпала из неё, тут же этот человек ударил торговца в живот, и тот, охнув, «сложился» в поясе. Руки Иисуса на ходу сложили верёвку в несколько раз, превратив её в бич. Вдруг Иисус увидел, как вол вывалил кучу навоза. С криком бросился Иисус на продающих волов, стегая бичом и их, и волов. Он стремительно двинулся дальше, опрокидывая руками и ногами столы и скамьи, стегая бичом подвернувшихся под руку продавцов. Овцы разбежались, из перевёрнутых и сломанных клеток вылетали голуби, монеты сыпались со столов меновщиков и люди кинулись их собирать.

– Вон! Вон! Вон из Храма! – вскричал Иисус. – Позор Израилю! Вон из дома отца моего! Не дом молитвы, а вертеп разбойников!

Конечно, торговцы пытались защищаться. Проклиная Иисуса, с кулаками, палками и другим оружием они бросились вслед ему, но какие-то люди стали между ними и Иисусом, умело выбили из их рук оружие и затеяли потасовки. Среди этих людей был и Варавва. Разъярённый Иисус не оборачивался и не видел происходящего за его спиной.

К месту происшествия сбегалась храмовая стража. Внезапно на их пути возникла шеренга людей с кинжалами на поясах, свои руки они держали на их рукоятках. Стража в замешательстве остановилась.

Вдруг Иисус остановился перед клетками с голубями и разжал пальцы, его бич упал на землю. Усталым, разочарованным голосом Иисус сказал к продавцам:

– Возьмите это отсюда, из дома Отца Моего, не делайте его домом торговли... Безумные и слепые... Что больше: золото, или храм сей...

Понуро стоял Иисус в центре примолкшей толпы. Варавва был в первом ряду и не спускал глаз с окружавших его людей. Иисус поднял голову и громко воззвал к людям:

– Я пришел не сам от себя, но истинен Пославший Меня, которого вы не знаете! Но я знаю Его, потому что я от Него!

Иисус повернулся и пошёл к выходу из Храма. Толпа расступалась, и из неё подходили к Иисусу его ученики. Недалеко от выхода, к сопровождающим Иисуса с криками «Осанна Сыну Давидову!» подбежало несколько детей. В это время Иисус проходил мимо группы священников. Один из них с негодованием воскликнул:

– Слышишь ли ты, Иисус, Как они богохульствуют!?

– Устами младенцев глаголет истина... – тихо ответил Иисус. И добавил – Разве не читали вы: «Из уст младенцев ты устроил хвалу?»

Выйдя из Храма, Иисус спустился по лестнице, обернулся, и, показав широким жестом в сторону Храма, горестно сказал ученикам:

– Видите эти великие здания? Всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне...

13. Гефсиманский сад

Этот пасмурный день подходил к концу. Невидимое солнце только что зашло за горизонт и становилось всё темнее. На дороге показались Иисус и его ученики. Шагах в двухстах позади них шёл Варавва. Иисус был мрачен и задумчив. Его настроение передалось и ученикам. Они подошли к большой роще у дороги и свернули к ней. То же сделал и Варавва. Скрывшись за деревьями, он прибавил шагу и быстро приблизился к Иисусу на совсем небольшое расстояние, с которого он мог наблюдать за ним, оставаясь незамеченным.

Войдя в рощу, Иисус сказал ученикам:

– Посидите тут пока... Я пойду... помолюсь... там (Иисус сделал неопределённый жест в сторону от дороги) ... Петр, Иаков и... Иоанн, пойдите со мной.

Они молча пошли вглубь рощи. Прячась за деревьями и кустами шагах в двадцати за ними бесшумно крался Варавва.

Внезапно Иисус остановился, обернулся к ученикам и жалобным растерянным голосом попросил их:

– Душа Моя скорбит смертельно... побудьте здесь и бодрствуйте со мною... Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

И, отойдя немного, Иисус опустил на колени и в молчании надолго замер в этой позе. В это время случилось нечто, отчего находящиеся за его спиной Пётр, Иаков, Иоанн и притаившийся в стороне Варавва внезапно погрузились в глубокий сон, они медленно осели, улеглись на землю и застыли... А Иисус начал горячо и страстно молиться:

– Авва, отче мой! Всё возможно тебе... Пронеси чашу сию мимо меня! ... Но пусть будет... не чего я хочу, а чего ты... Отче мой!! Если только возможно, да минует меня чаша сия! Впрочем... не как я хочу, но как ты... Отче! Отче! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя!

Иисус замолчал. Через минуту он встал, обернулся и увидел своих учеников спящими. Он подошёл к ним, слегка потряс их за плечи, после чего они с огромным трудом разомкнули веки.

– Вы всё спите и поживаете... – горько сказал Иисус. – А приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников... Встаньте, пойдём... Уже приблизился предающий меня.

Иоанн, Пётр и Иаков, стыдливо пряча глаза, встали и, следуя за Учителем, направились к месту, где остались остальные ученики. А Варавва, объятый глубоким сном, остался лежать за ближайшим кустом.

Сумерки совершенно сгустились и превратились в ночь. Иисус с Петром, Иаковым и Иоанном подходили к полянке, где расположились на отдых остальные ученики, когда с другой стороны, со стороны дороги к ней приближалась шумная толпа вооружённых людей с фонарями и светильниками. Среди них с факелом в руке шёл и Иуда...

Иисус с тремя учениками подошёл первым, и их четыре фигуры перемешались с другими. Лица были уже почти не различимы. Завидев толпу, все ученики сбились вплотную друг к другу.

И тут же к ним подошла толпа. Из неё вышел Иуда и, высоко подняв свой факел, осветил маленькую группу стоящих перед ним людей. Иисус находится в первом ряду. Иуда шагнул к Иисусу, со словами «Радуйся, учитель!» поцеловал его и отошёл в сторону, опустив свой факел. И тут же люди из толпы вырвали Иисуса из группы его учеников, заломили ему руки и начали его связывать. Увидев это, Иуда выронил свой факел, пошатываясь, подошёл к ближайшему дереву и упёрся в него лбом. Кто-то из учеников, вооружённый мечом, выскочил из темноты и с криком кинулся на одного ближайшего к Иисусу вооружённого человека. Тот

едва успел уклониться от удара меча, но меч отсек ему ухо. Он бросил свой меч, схватился рукой за свою рану и закричал:

– Он! Он! Чуть не убил! Бейте его!

Вооруженные люди окружили ученика с мечом и стали медленно к нему приближаться.

Раздался неожиданно громкий голос Иисуса:

– Возврати меч свой в его место, ибо взявшие меч от меча и погибнут!

Все обернулись к Иисусу, а он продолжил:

– Или думаете, что не могу я умолить Отца Моего, и Он представит мне двенадцать легионов Ангелов?... Но... да сбудутся Писания!

Вооружённый ученик воткнул свой меч в землю и метнулся в темноту. То же сделали и остальные ученики.

Кольцо людей сомкнулось вокруг Иисуса. И толпа медленно двинулась в сторону Иерусалима.

А Варавва... Варавва продолжал спать. Даже громкий шум и крики не разбудили его. Но когда шум уже затих, тень беспокойства зародилась на его лице. Он начал ворочаться, что-то тихо бормотать, стонать – и вдруг резко сел и замер, вслушиваясь в темноту. Затем вскочил – и тут его внимание привлёк слабый свет. Он побежал в направлении источника света и нашёл валяющийся на земле плохо горящий факел, брошенный Иудой. Варавва схватил факел и несколько раз взмахнул им в окружающей его темноте. Факел ярко разгорелся. Варавва осмотрелся. Он увидел истоптанную траву, воткнутый в землю меч. И что-то, лежащее на земле, привлекло его внимание. Варавва подошёл и поднял – освещённое ярким светом факела, на его ладони лежало окровавленное человеческое ухо.

14. У дома первосвященника

Несмотря на очень поздний час, двор первосвященника был полон охранников, слуг и служанок, да и просто каких-то случайных людей – в обычные дни их давно бы выставили вон, но в этот день невероятно возбужденным слугам было не до соблюдения обычных правил.

К ночи очень похолодало, и во дворе было дозволено развести костёр. Вокруг него, в основном, и столпились люди... Среди них были Пётр и Варавва, стоявшие порознь. Они оба были в растерянности и тревоге, но чувства эти проявляли совершенно по-разному. Пётр был бледен, недвижим и, ярко освещённый, стоял вблизи огня, подобно каменному изваянию. Послушные порывам ветра, языки пламени иногда чуть ли не опаляли его лицо – он не чувствовал жара. Что касается Вараввы, он стоял, стараясь быть незаметным, за спинами людей, внимательно слушая их разговоры, тщетно надеясь услышать что-нибудь важное. В поисках хотя бы малого шанса помочь Иисусу он уже обошёл все закоулки двора, пытался было проникнуть и в дом – но всё безуспешно.

После того, как Иисуса провели в дом первосвященника, о происходящем там никто ничего не знал, но все разговоры вокруг костра были об Иисусе. Люди говорили разное...

– ... говорил, всё будет разрушено, не останется здесь камня на камне.

– Это как же, землетрясение, что ли?

– Наверное, силой бесовской.

– От Вельзевула, князя бесовского, сила его.

– Как же схватили его?

– Первосвященники тоже силу имеют.

– Говорят, Иисус сам предал себя в руки их.

– Вот и будет распят.

– Сейчас как раз допрашивают его.

– Может, и прощён будет. Ради праздника.

– Он же богохульствует! Смерти предать его!

– А ученики-то его и те, что были с ним, не защитили его, когда люди пришли за ним.

– Я был там, один из них отсёк таки ухо стражнику. Но Иисус повелел своим убрать мечи.

И все разбежались.

В неровном свете костра одна из служанок, стоявшая возле Петра, долго всматривалась в его лицо и, наконец, почти уверилась.

– А ты не из учеников ли этого человека? – ткнув Петра в бок острым кулачком, строго и подозрительно спросила она. Услышав эти слова, Варавва положил руку на рукоять своего кинжала.

Пётр пошатнулся, как от удара – несмотря на свою отрешённость, он расслышал вопрос.

– Не знаю... Не знаю, что ты говоришь! – невнятно пролепетал Пётр и попытался было отступить от костра, но сзади него стояли люди

Но первую служанку тотчас поддержала другая, стоявшая в трёх-четырёх шагах. Она вытянула руку и указала на Петра пальцем:

– Нет, он – он был с Иисусом Назареем! Точно!

Объятый страхом Пётр, продолжая пятиться и собрав волю в кулак, на удивление чётко выговорил:

– Клянусь, что не знаю сего человека!

И тут один из слуг – низкорослый, с колючими глазами – вдруг подскочил к Петру и цепко схватил его за руку.

– А не я ли видел тебя с ним в саду?! – выпалил низкорослый.

Двое стоявших позади Петра взяли его за плечи.

– Точно ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя! – сказал один прямо в ухо Петру.

В толпе начиналась суматоха. Воспользовавшись ею Варавва стал пробираться поближе к Петру.

А схваченный Пётр громко взмолился:

– Бог свидетель – не знаю сего человека!!!

И вдруг, где-то неподалёку раздался крик петуха. На несколько секунд Пётр оцепенел. Затем опустил голову и спрятал лицо в ладони. Тяжело вздохнув, он выпрямился и опустил руки – глаза его были полны слёз. Внезапно лицо Петра исказилось гримасой боли и отвращения, с нечеловеческой силой он резко вывернулся из сцепившихся в него рук, рванулся сквозь толпу и скрылся в темноте.

– Нет! Нет! Нет! Нет!!! – слышался его голос в ночи.

Люди не преследовали Петра, их внимание привлёк другой человек – Варавва.

Широко расставив ноги, расправив плечи и положив руку на рукоять своего кинжала, он стоял в ярком свете костра на том самом месте, где только что стоял Пётр.

– Я был с Иисусом Назареем! – зычно и с вызовом сказал Варавва. – Я его ученик!

Он резко повернулся спиной к костру и повторил в лицо слугам, державшим Петра:

– Я его ученик! И что сделаете мне, порождения ехиднины!

Толпа без единого слова стала пятиться, отступая от Вараввы и погружаясь в ночную мглу, откуда доносились возбуждённые голоса и крики. Через десять-пятнадцать секунд у костра остался один Варавва – он не переменял позы, ни шелохнулся. И тут кольцо окружавших его людей стало медленно стягиваться вокруг него, в первый ряд протискивались вооружённые охранники. Из-за их спин слышалось :

– Это же Варавва!

– Нет ли во дворе других разбойников?

– Позвать бы солдат из претории, те быстро его...

– Сдавайся, Варавва!

– Не уйдёт!

Вооружённые люди медленно и неотвратно приближались к Варавве. Внезапно они с криками бросились на него – неумовимым движением Варавва выхватил кинжал!

Уверенные в своём превосходстве, нападающие действовали азартно, но не очень умело, иногда только мешая друг другу. А Варавва был в своей стихии! Он ловко уклонялся от мечей и копий и стремительно нападал сам. С первых же секунд схватки его кинжал и правый рукав обагрились кровью. Вдруг число нападавших почти удвоилось – это прибежали охранники, бывшие в доме. И казалось, что гибель Вараввы неминуема. Но тут один из нападавших, уклонившись от выпада Вараввы, ненароком забежал в костёр, и его одежда вспыхнула. Выронив меч, он с воплями бросился прочь от костра, и толпа расступилась перед ним. Мгновенно поняв, что это его шанс, Варавва метнулся в образовавшийся проход и исчез в темноте. Первым побуждением нападавших было устремиться за Вараввой, но, углубившись в темноту на несколько шагов, они один за другим остановились.

В ночной тишине потрескивал костёр. Люди молча оглядывали «поле битвы». В сполохах пламени они увидели на земле несколько неподвижных тел, лежащих в крови.

15. В доме Иосифа

Этот день был пасмурным с самого утра, тучи не рассеялись и к ночи. В густом, почти кромешном мраке у запертых ворот большого дома, невидимого во мгле, стоял человек. Прислонившись к стене, он чего-то ждал. Понемногу в звенящей ночной тишине стали различимы всё более громкие шаги. Через минуту-другую конец улочки озарился жиденьким светом. Между двух слуг с факелами в руках к своему дому подходил богато одетый человек. Его звали Иосиф. Ожидавший человек молча отделился от стены и шагнул ему навстречу. Иосиф всмотрелся в его лицо и безучастно произнёс:

– ...Ты, Варавва... Зайди в дом мой.

Иосиф ударил по воротам своим посохом. Из-за ворот тотчас раздался голос:

– Кто там!

– Открой, Фома! – приказал Иосиф.

За воротами полыхнуло светом, послышался лязг открываемого засова, и они с тяжким скрипом распахнулись. За ними стоял старый привратник с факелом в руке. Он посторонился и Иосиф, сделав приглашающее движение рукой, пропустил Варавву вперёд, потом зашёл сам, за ним во двор вошли слуги. С тем же скрипом и лязгом ворота были закрыты. С улицы остались видны только слабые отсветы факелов, которые проникали через узкие щели.

В то время эту комнату сочли бы богато обставленной. В то время... У стола, на котором горел масляный светильник, сидел Варавва. Как-то скрючившись, боком. В дверь вошёл Иосиф. Обернувшись, он сказал кому-то в дверной проём:

– Принеси нам вина, хлеба и сыра.

Иосиф подошёл к Варавве и сел рядом с ним. Они помолчали.

– Уже слышан о подвиге твоём, – тихо сказал Иосиф.

– Пётр, первый из учеников его, отказался от него перед людьми, – горько вздохнув, ответил Варавва, и взволнованно добавил, – Боль и ярость сжали сердце моё!

– Теперь тебе нельзя показаться в городе.

– И раньше было опасно.

– А теперь – нельзя.

Слуга принёс поднос с хлебом, вином и сыром и, стараясь не шуметь, ушёл, прикрыв за собой дверь. Иосиф и Варавва не притронулся к еде. Варавва спросил:

– Ты был на Совете первосвященников и старейшин?

– Да.

– Совет решил предать его смерти?

– Да.

– И как мы спасём его?

– Только об этом и думаю...

– Подкупим стражу, у меня есть в городе больше тысячи динариев.

– Я бы уже так и сделал за деньги свои, будь он посажен в нашу темницу. Но они отвели его в преторию римскую, туда не пройти.

– И как же нам спасти Иисуса?

– Есть один способ...

– Говори.

– Готов ли ты жизнь отдать за него?

– С радостью!

– По обычаю отцов наших, если узников более одного, на всякий праздник отпускается один из них – тот, о котором попросит народ. Но сейчас в темнице из захваченных властью

иудейской – только один Иисус. Сидят с ним ещё двое, но те схвачены римской властью, и они не в счёт.

– Так что за способ?

– Велика ли была в Иерусалиме разбойничья слава твоя?

– Слышал я, что малых детей пугают именем моим.

– Хорошо... А после сегодняшнего – ещё лучше... Скольких ты убил во дворе у первосвященника?

– Откуда мне знать – троих или пятерых, не больше.

– Очень хорошо...

– Не томи меня, Иосиф!

– Сейчас ты пойдёшь, и предашь себя в руки стражников, и, по вине твоей, будешь осуждён к распятию на кресте. И завтра дан будет народу выбор между тобой и Иисусом, и конечно, выберет народ казнить тебя, Иисуса простить, и продолжит он дело своё в Израиле. А ты погибнешь за него...

Комнату, а казалось, что и весь мир, охватила абсолютная, мёртвая тишина. Лицо Иосифа побледнело. Варавва закрыл глаза, вздохнул и, низко склонив голову себе на грудь, тихо вымолвил:

– Иосиф, оставь меня одного...

– Решишься ли ты?

– Ты же знаешь... я сделаю это... Оставь меня в комнате сей.

– Прости меня, Варавва.

– Бог нас простит...

Иосиф встал и положил свою трясущуюся руку Варавве на плечо. Молча и недвижимо стоял Иосиф. В глазах его застыли слёзы, словно заледенев. Не сказав более ни слова, он медленно вышел из комнаты, тихо прикрыв за собою дверь...

На несколько секунд Варавва замер в глубокой задумчивости. Тяжело встал. Две-три секунды не двигался с места. Неосознанно сделал шаг. Остановился. Несколько раз широко и размеренно покрутил головой, как бы разминая шею. Чуть повернулся и сделал два шага в другую сторону. Остановился. Повернулся и сделал три шага – перед ним была стена. Он глубоко вздохнул, поднял руки и, прислонившись к холодной стене ладонями и лбом, прошептал:

– Так вот каков промысел Божий обо мне... Сколь велика оказалась цена жизни моей! ... Многие грозили мне распятием... И по воле Божьей не минует меня удел сей... Приму же смерть ради Господа моего Иисуса Христа! Люблю тебя, Господи, всем сердцем моим, всей душою моей!

После этого Варавва выпрямился, поднял голову и огляделся вокруг себя, как бы не узнавая комнаты. Лицо его было воодушевлено и полно решимости. Твёрдыми шагами он вышел из комнаты – и увидел согбенного Иосифа, сидящего на лавке – локти его были уперты в колени, ладони поддерживали опущенную вниз голову. Иосиф поднял глаза на Варавву, прислонился спиной к стене и вытер слёзы рукавом.

Варавва подошёл к Иосифу и коснулся рукой его заплаканного лица:

– Не плачь обо мне, Иосиф, а возрадуйся! Ибо спасён будет он! И продолжит учить народ Израилев! И приблизится Царствие Небесное! Посему должен я спасти Спасителя нашего! Вели открыть ворота, Иосиф, ибо нет мне причины медлить. Всхлипывая, слабым голосом Иосиф позвал:

– Фома...

Вошёл слуга:

– Уходит от нас Варавва ... – сказал ему Иосиф, – Отопри.

Слуга молча вышел.

Иосиф, опершись о стену, с трудом поднялся на ноги. Варавва крепко обнял его. В ответ и Иосиф обнял Варавву – слабо, неуверенно. Его губы, оказавшиеся у уха Вараввы, прошептали:

– Простишь ли меня... Ибо я послал тебя на смерть...

В ответ он услышал негромкие, но твёрдые слова Вараввы:

– Утешься – не на смерть ты меня послал, а на жизнь вечную, ибо искуплю все грехи свои!

Вошёл слуга с факелом в руке. Варавва отстранился от Иосифа, повернулся и решительным шагом пошёл к двери. Слуга вышел из комнаты первым, освещая дорогу Варавве.

– Не могу проводить тебя... – жалобно сказал Иосиф в спину Варавве, – Ноги не слушаются меня...

Варавва, не останавливаясь, обернулся к Иосифу и сказал ему всего одно слово:

– Прощай!

16. Глас народа

Плотная цепь римских солдат разделяла городскую площадь на две неравные половины. Её большая часть была запружена народом, возбуждённая толпа издавала мощный многоголосый гул, слышимый и даже за городскими стенами. Утро выдалось душным и безветренным, а притиснутые друг к другу люди пришли на площадь уже давно – понемногу на площади всё усиливался тяжёлый запах разгорячённых человеческих тел.

В центре меньшей части площади располагался высокий каменный помост, на который из примыкающих ворот вела широкая лестница.

Внезапно раздались долгожданные звуки труб – и толпа взревела! Солдаты, стоявшие у ворот, открыли их, и на помост во главе процессии из римских чиновников и высших иудейских священников торжественно поднялся Понтий Пилат. Он остановился на правой части помоста. Следом солдаты выволокли на левую часть помоста осужденных на смерть: Христа, затем Варавву, потом двух других. Увидев их, толпа взревела ещё громче...

Осуждённые были крепко связаны и нетвёрдо держались на ногах, даже людям, стоящим в последнем ряду, были хорошо видны следы побоев.

Иисус выглядел совершенно обессиленным и измученным, внешне он казался безразличным ко всему происходящему.

Стоявшие плечом к плечу двое других осуждённых шурились на солнце, бессмысленно скалили зубы и дёргались, насколько позволяли их путы.

И только Варавва имел вид мужественного, уверенного в себе человека – он стоял, ни шелохнувшись, широко расставил ноги и устремив взгляд куда-то поверх толпы. Иногда он поворачивал голову в сторону Иисуса.

Наконец Понтий Пилат поднял руку и замер в ожидании относительной тишины. Подождав в затухающем гуле секунд десять-пятнадцать и поняв, что тише уже не будет, Пилат выкрикнул в толпу:

– Именем кесаря императора!

Солдаты, подняв копья и мечи, дружно и мощно воскликнули:

– Да здравствует кесарь!!!

Безо всякой паузы Пилат перешёл на арамейский язык и продолжил:

– Четверо схвачены в Иерусалиме и обвиняются в убийствах и оскорблении законов и веры! Они будут казнены сегодня на Голгофе! Имена преступников – Дисмас, Гестас, Варавва и Иисус! Вот они – перед вами!

И Пилат указал рукой на осуждённых. Толпа заинтересованно загудела.

Пилат терпеливо ждал. Когда и этот гуд затих, он продолжил :

– Но казнены из них будут только трое! Согласно закону и обычаю, в честь праздника Пасхи, одному из двух осуждённых Синедрионом – Иисусу или Варавве – великодушный кесарь император возвратит его презренную жизнь!

Как будто просочившись из обезлюдевших улочек, тишина быстро заполнила площадь.

И тут Пилат выкрикнул толпе вожделенный ею вопрос:

– Кого из этих двух хотите, чтобы я отпустил вам?!

Не теряя времени на раздумья и даже не дав Пилату закончить вопрос, толпа мгновенно выдохнула множество заготовленных заранее криков.

– Варавву! – кричало большинство людей.

– Варавву! – кричали мужчины.

– Варавву! – кричали женщины.

– Варавву! – кричали священники.

– Варавву! – кричал народ.

– Варавву! – кричал Иерусалим...

Но и эти крики истожили себя и стали затухать. Тогда Пилат снова обратился к толпе:

– Что же мне сделать с Иисусом, называемым Христом?

Опьянённые своим сиюминутным всесилием, люди дали волю своей жестокости:

– Распни его!

– Да будет распят!

– Распять его!

– На крест!

– Распять!

– На крест его!

– Распять его вместе с другими!

Пилат, ожидавший иного от толпы, обескуражено спросил:

– Какое же зло сделал он?! Ничего достойного смерти не нашел я в нём!

Но толпа не захотела услышать его вопрос. В эту минуту она слушала и слышала только себя:

– Распять!

– Распять!

– На Голгофу его!

– Смерть ему!

– Смерть!

Шум и сумятица в толпе всё увеличивались.

– Варавве – сто плетей, но не убить, и свобода! – сдался Пилат, – А я... Я... умываю руки свои!

Пилат развернулся и торопливо пошёл назад к воротам, не оборачиваясь и не глядя по сторонам. А люди... люди, напирала на солдат и сдавливали друг друга, стремясь протиснуться поближе и получше разглядеть помилованного – растерянного, с ошалелым выражением лица Варавву, которого солдаты уже тащили обратно в ворота.

– Как же... Как же так... Что же это... – шептали его губы, – Господь отверг жертву мою!

И в это же время конвой уже тащил трёх связанных осуждённых на дорогу, ведущую к Голгофе.

В небольшом дворе претории четверо солдат, весело переговариваясь по-римски, быстро и энергично привязали связанные и поднятые руки Вараввы к железному кольцу, прикреплённому к верхней части вкопанного столба. Потом трое ушли. Оставшийся солдат снял со стены ссохшийся бич, подошёл к Варавве, резким движением свободной руки разорвал ткань хитона на его спине и обнажил её, и после этого деловито начал экзекуцию, аккуратно отсчитывая удары:

– Unus... duo... tres... quattuor... quinque... sex... septem... octo... novem... decem...

После нескольких ударов ноги Вараввы подкосились, и он повис на кольце всем своим весом...

Экзекуция подходила к концу:

– ... nonaginta septem... nonaginta octo... nonaginta novem... centum!

Солдат неторопливо подошёл к стене, потряхивая натруженной рукой, повесил на неё бич, затем возвратился к столбу и отвязал от кольца руки Вараввы – его обмякшее тело тотчас упало к основанию столба.

Посчитав своё задание добросовестно выполненным, солдат пошёл прочь от Вараввы, на ходу обернувшись в его сторону и скомандовав на ломаном арамейском:

– Вставай и уходи!

Но Варавва остался недвижим. Увидев это, солдат вернулся, взял стоящее у стены ведро с водой и окатил ею тело Вараввы. Тот застонал и слабо шевельнулся.

В это время во дворе с заискивающей улыбкой на лице робко появился слуга Иосифа – Фома. Он поклонился и обратился к солдату:

– Дозволено ли будет забрать его?

– Мне всё равно, – буркнул в сторону Фомы солдат, уходя со двора.

Фома обернулся, помахал кому-то рукой, и тут же во двор въехала запряженная осликом маленькая повозка, которую вёл под уздцы другой слуга Иосифа. Вдвоём слуги бережно положили Варавву на повозку, и понукаемый ослик увёз его со двора..?

17. У Иосифа

Варавва знал, что это сон. Он видел мальчика Иисуса, с трудом поднимающегося в гору по крутому каменистому склону. Сам Варавва безо всяких усилий как будто плыл в воздухе вслед за Иисусом – немного сбоку и позади него. Внезапно Варавва понял, что выше этой горы ничего нет над миром. Мелкие камушки, осыпавшиеся из-под ног Иисуса, катились вниз совершенно бесшумно. Вдруг Варавва почувствовал дуновение ледяного ветра, зародившегося где-то высоко-высоко. Ветер всё усиливался, его порывы взметали волосы и одежду Иисуса, а иногда даже останавливали его, и Иисус едва ли не падал навзничь. Но всякий раз он удерживался и делал следующий шаг. Чем выше поднимался Иисус, тем более сгущался вокруг него тревожный багровый мрак. И происходило что-то ещё. Что-то очень важное... Наконец, Варавва понял, что именно – с каждым шагом Иисус взрослел и становился всё более похожим на себя – того Иисуса, которого Варавва видел в последний раз. При этом тело Иисуса становилась всё больше и больше, приобретая нечеловеческие размеры. Варавва поразило лицо Иисуса – в его глазах застыли ужас и страдание, но на губах Варавва заметил зарождающуюся улыбку. Наконец, в почти кромешной тьме стали различимы очертания округлой вершины. Иисус поднимался из последних сил. Его фигура была сгорблена навстречу склону, и иногда он даже опирался о него рукой. Неожиданно Иисус остановился. И тут же стих свирепый ветер, как будто его и не было. Варавва понял, что вершина достигнута, и сладкая радость охватила его душу. Иисус медленно выпрямлялся в поясе, вставая в полный рост – и всё светлее и светлее становилось вокруг. Выпрямившись, Иисус распростёр руки в стороны и закрыл глаза. И Варавва всё понял – Иисус обращался к миру и к Отцу своему. Фигура Иисуса наполнилась ярким благодатным светом. Гора куда-то исчезла, или Варавва перестал её замечать – и остался только Иисус, парящий над Миром. И лицо его было радостно и спокойно.

Варавва проснулся от пронзительного ощущения небывалого счастья. И мгновенно пришла щемящая мысль, что это ощущение уже не повторится никогда. Варавва почувствовал, что его закрытые глаза плачут, и удивился тому, что они ещё способны на это. Он не стыдился своих слёз. Постепенно Варавва успокоился, слёзы прекратились, и лишь тогда он подумал: «Где я?». Открыв глаза, Варавва увидел, что находится в комнате, слабо освещённой огнём крошечного масляного светильника. На широкой лавке, сидя с поникшей головой, прислонившись спиной к стене и тихонечко посапывая, спал Фома. Тут голова Фомы поднялась, веки с усилием попытались раскрыться, и он почти проснулся – но нет, голова опять медленно опустилась на грудь, и он снова впал в дрему.

Варавва почувствовал знакомый крепкий запах – он знал, что так пахнет знаменитый сирийский бальзам, отлично заживляющий раны. Ему почему-то захотелось вспомнить, сколько просят за этот бальзам на рынке. Но вспомнить не удалось. Тут Варавва непроизвольно шевельнулся – острая боль пронзила всё его тело, да так, что он почти потерял сознание. А когда через минуту боль притихла, и он пришёл в себя – он внезапно вспомнил и понял всё! Вспомнил двор претории, столб с кольцом и помост, на котором он стоял рядом с Иисусом... И понял, что Иисус мёртв... Силы и сознание покинули Варавву...

Всё так же без сознания, Варавва лежал в той же комнате, но уже на другой лавке. И лежал уже не на спине, а вниз животом. Спина же его была обнажена и вся покрыта каким-то зеленоватым бальзамом. Вид её был ужасен – глубокие следы бича, местами совершенно выдранная кожа... И опять на соседней лавке мирно спал Фома, на этот раз уже лёжа...

Варавва слабо застонал. Через минуту – ещё раз, чуть громче... Фома проснулся и, позёывая, сел на скамью... Тут глаза Вараввы открылись. Он с усилием приподнял голову, пытаясь осмотреться. Его взгляд остановился на Фоме.

– Где он? – еле слышно спросил Варавва.

– Спрашиваешь ли ты об Иосифе? – ответил вопросом Фома

Варавва бессильно опустил голову на лавку и промолчал. Потом спросил снова:

– Где Иисус?

– Во гробе. Хозяин мой Иосиф купил ему новый гроб в скале недалеко от Голгофы. Небольшой склеп, но хороший. Ему там будет покойно лежать. Всё сделали, как положено между людьми. Купил Иосиф ему новую плащаницу. Никодим принес благовония из смирны и алое, и умастили тело его. Всё, как положено нам от отцов наших. Не беспокойся о нём. Вот и Иосиф хочет завтра возвратиться в большой дом свой, в Аримафею...

Варавва с трудом сполз ногами на пол, потом сел на лавку – на лице его застыла гримаса боли. Только теперь Фома окончательно проснулся, вскочил с испуганным лицом, растерянно развёл руки, нерешительно сделал шаг к Варавве, но передумал и выбежал из комнаты. Через минуту он вернулся – уже вместе с Иосифом.

– Зачем ты встал, Варавва! – переполошился Иосиф, – Лежи! Ты изранен и слаб! Спина твоя, хоть и покрыта лучшим бальзамом, но нет на ней живого места!

– Иосиф... – тихо и невнятно ответил Варавва – должен я проститься... с учителем моим... Пойду ко гробу его...

– Неразумное говоришь! Сперва излечись!

Варавва попытался подняться на ноги. Его резко качнуло в сторону, и он едва не упал, но Иосиф шагнул ему навстречу и поддержал.

– Вижу, не переменишь ты воли своей, – с грустью сказал Иосиф, – Фома, принеси новый хитон.

Фома вышел и быстро вернулся с хитоном в руках, после чего Иосиф и Фома помогли Варавве его надеть. На спине Вараввы ткань быстро потемнела, пропитавшись смесью сукровицы и бальзама. Варавва с трудом стоял на ногах. Но видно было, что он всё более приходит в себя, и дух его крепок.

– Фома, иди, запряги осла в повозку, – распорядился Иосиф, – отвезёшь Варавву ко гробу.

Фома расторопно вышел.

Иосиф осторожно отпустил Варавву, но руки его были готовы тотчас поддержать Варавву, если бы тот не смог устоять. Но Варавва стоял. Пошатывался, но стоял. Затем сделал первый шаг к двери. На всякий случай, Иосиф всё-таки подставил ему своё плечо, и они вышли из комнаты.

Во дворе было темно. Переменчивый свет настенного факела освещал всё-того же ослика и всё ту же маленькую повозку. Иосиф и Фома помогли Варавве разместиться в ней поудобнее.

– Скоро рассвет... – сказал Иосиф, всматриваясь в едва светлеющее небо.

Неожиданно громким, своим обычным голосом Варавва задал короткий вопрос:

– Закрыт ли гроб?

– Да, ко входу его привален камень, – ответил Иосиф

– Как мне откатить камень сей?

Иосиф обернулся в сторону Фомы:

– Фома, походи и возьми жердь крепкую. И поможешь там Варавве.

Фома исчез в темноте и мигом вернулся с толстой жердью длиной пять-шесть локтей, которую он уложил на повозку. Затём он взял ослика под уздцы и повёл его к выходу. Другой слуга распахнул ворота.

– С Богом! – напутствовал их Иосиф.

И повозка скрылась во мраке.

18. Последний путь

Ночная тьма рассеивалась. Повозка, погромыхивая, ехала по тряской булыжной мостовой. Сначала каждый толчок отдавался острыми уколами в спине, но через несколько минут Варавва немного к этому привык и лишь время от времени морщился от боли.

Наконец, повозка выехала из города на куда более гладкую грунтовую дорогу. Солнце уже готово было показаться из-за горизонта.

– Далеко ли до гроба? – спросил Варавва Фому.

– Да его уже видно! Смотри, вон у дороги – большое ореховое дерево, а за ним – низкая скала. В ней и открыт гроб Иисуса.

– Остановись... Далее пойду сам... А ты возвращайся.

– А дойдёшь ли?

– Дойду... А ты возвращайся... Понял ли ты меня?

– Как не понять... – Фома вздохнул и скомандовал ослику, – Тпру-у!

Ослик покорно остановился. Варавва тяжело вылез из повозки, снял с неё жердь, положил её себе на плечо, и, придерживая жердь рукой, медленно двинулся вперёд.

Э-эх-хе – невесело вздохнул Фома, разворачивая ослика.

А Варавва упорно шёл к своей цели. Каждые десять-пятнадцать шагов он останавливался, чтобы перевести дух, и ставил жердь на землю. Наконец он догадался поместить тяжёлую жердь серединой себе на шею и плечи, положив ладони сверху на её концы. После этого ему стало полегче. Став похожим на крест, Варавва медленными, но широкими шагами двинулся дальше.

Тяжело дыша, и очень медленно Варавва приближался к скале. Теперь он держал жердь перед собой двумя руками, и использовал её как посох – он поднимал и выставлял жердь вперёд, а затем, опираясь на неё, делал очередной маленький шаг.

И вот Варавва подошёл подножию скалы и остановился не далее пятидесяти локтей от гроба. Лицо его было задумчиво, непроницаемо, и на нём не было признаков усталости, хотя тело его изнемогало. Он отпустил жердь, и она с шумом упала возле него на землю. После этого ноги его подкосились, и он уселся прямо на то место, где стоял. Переведя дух, он взял жердь и, опираясь на неё, с усилием поднялся на ноги.

Волоча жердь за собой, Варавва поднялся к округлому плоскому камню, затворяющему вход в гроб Иисуса, и опустился перед ним на колени. Его губы что-то беззвучно шептали. Через минуту Варавва встал и попробовал откатить камень в сторону. Но его слабые усилия были совершенно безуспешны – камень не подавался. Тогда Варавва вспомнил о своей жердине, но и она не помогла. Он приставил жердь к скале и отдышался. Потом, заметив неподалёку небольшой валун, Варавва в несколько приёмов с трудом перекатил его к основанию затворяющего камня. После этого отдышать ему пришлось уже минут десять. Затем, используя валун как точку опоры для жерди, Варавва и навалился на неё вниз всем своим телом – и камень медленно откатился, освободив невысокий узкий проход. Согнувшись в поясе, Варавва вошёл внутрь.

Подняв руку вверх, Варавва понял, что можно выпрямиться... Сначала темнота показалась ему кромешной. Но постепенно его глаза стали привыкать к полумраку, и он увидел, что в стене гроба высечено погребальное ложе, на котором лежит спеленатое и умащенное тело Иисуса. Варавва повернулся к нему лицом и опустился на колени. Молча, он долго всматривался в лицо Иисуса. Потом проникновенно прошептал :

– Вот и кончил ты земной путь, Учитель... Как недоучил ты меня в детстве моём, так недоучил ты народ Израиля... Да и не хотел он учиться от тебя... Как и я когда-то... Не уберёшь тебя... от народа... Самый бОльший из грехов моих... Эх, народ... Не жалел ты, Учитель, жемчуга своего, бросал его вокруг себя для всякого... Прости меня, ненаглядный Учитель мой... Нет мне жизни на земле после смерти твоей... Окончу жизнь свою в этом гробе рядом с тобой... Если будет в этом грех великий, прости мне его, ибо сделаю так из любви к тебе и Отцу нашему небесному... А нет – так сгорю в геенне огненной...

Буря чувств отразилась на лице Вараввы. Крепнувшим голосом Варавва прочёл молитву – ту, которой научил людей Иисус:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое! Да приидет Царствие Твое! Да будет воля Твоя и на земле, как на небе! Да будет воля Твоя и на земле, как на небе!

Что-то подсказало Варавве, что ему нужно закончить молитву именно на этих словах.

Вдруг он заметил, как лицо Иисуса наполняется жизнью, становится одновременно строгим и ласковым, как исчезают с него следы благовоний, как тело Иисуса начинает светиться нежным белым светом, как Иисус делает вдох и медленно, одним движением садится и встаёт напротив Вараввы, как во время этого движения плащаница его опадает и из-под неё показывается белоснежный длинный хитон.

Глаза Иисуса открылись и устремили на Варавву свой божественный свет. И Варавва услышал очаровывающий голос Иисуса – всем телом, всем сердцем, всей душой:

– Ты верно догадался, Варавва – я тот, кого ты знал в детстве своём. Помнишь, каким я был?

Лицо, фигура и одежда Иисуса плавно преобразились, так что на несколько мгновений Варавва увидел перед собой маленького Иисуса, каким тот когда-то подошёл к нему на улице и залечил его рану. Так же плавно мальчик-Иисус превратился обратно в Иисуса-мужчину.

– И я помню тебя, – продолжил Иисус, – ты был добрый мальчик. Труден и жесток был твой путь. Ты был великим грешником, но и раскаяние твое безмерно, и искупил ты грехи свои верой и любовью своей. И служил ты мне верным спасителем на земле Израиля. Радуйся, добрый человек! Радуйся, что дело моё не погибнет – пойдут ученики мои, а потом и их ученики по всему миру, проповедуя Меня и Закон Мой, и научат все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. И пребуду я с людьми во все дни до скончания века! Надлежало мне пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, посему восхожу сейчас к Отцу моему и Отцу вашему. И не нужен мне более спаситель на земле. И дана мне всякая власть повсюду. Радуйся, Варавва! Ибо по воле моей вознесёшься сейчас вслед за мной. Как служил ты мне на земле, так будешь служить между небом и землёй. Встань, Варавва!

Варавва поднялся – ноги едва держали его. И тут его лицо стало очищаться и молодеть, одежда его превращалась в длинный невесомый хитон невесомого голубого цвета. Освободившись из-за пояса, упал на землю кинжал Вараввы. И невыразимое блаженство охватило его душу.

А тело и одежда Иисуса начинали светиться белым светом – всё ярче и ярче, и вдруг во мгновение ока стянулись в висящую в воздухе яркую белую линию, которая метнулась вверх и пропала.

И тотчас тело и одежда Вараввы тоже засветились – ярким голубым светом. Вмиг стянулись ни в узкий голубой извилистой шнур, который резко устремился вверх и исчез.

...На холодном каменном полу лежала скомканная плащаница Иисуса... и кинжал.

Послесловие

Прочитанное Вами вымышлено. Могло ли произойти что-либо подобное...

Крэш-тест (сценарий), 1-я серия

Аннотация

Рабочее название:

- для российского проката – «Крэш-тест»
- для зарубежного проката – «Crash Test» или «Jet-Man»

Характеристика:

Остросюжетный фильм с необыкновенно глубоким проникновением в переживания и мысли главного героя – подростка-инвалида, жизнь и первая любовь которого сталкиваются с жестокими испытаниями, преодолеть которые не в состоянии даже неожиданно приобретённые сверхъестественные способности.

Основная аудитория – молодёжная

Музыкальное сопровождение – только «Битлз»

Основные особенности фильма :

Зрители посвящаются в тончайшие моменты восприятия действительности главным героем, его переживаний и мыслей. Для достижения этой цели используются **необычные сценарно-операторские приёмы**.

Главный герой потерял в детстве один глаз (далее принято, что левый), что и является первопричиной формирования его замкнутого, болезненного характера и соответствующего поведения.. Часто зрители видят происходящее глазами (правым глазом) главного героя. Камера, снимающая такое изображение, далее называется в тексте **«ин-камерой»** (в отличие от **«аут-камеры»**, снимающей изображение обычных сцен). Зрители понимают это, когда видят левую часть экрана (процентов 25—30 его ширины) равномерно тёмно-серой, так что всё наблюдаемое героем зрители видят на большей правой части экрана. При этом по насыщенности цветов, яркости или контрастности изображение, снимаемое ин-камерой, заметно отличается от предыдущего и последующего изображения действия, снятого обычной объективной «аут-камерой». Такое отличие используется для того, чтобы точнее передать эмоциональное состояние героя. Кадр ин-камеры имеет нерезкие, размытые границы. В области левой границы кадра видны очень нечёткие, едва заметные очертания носа. Когда герой не рассматривает что-либо специально, контрастность, яркость, насыщенность цветов одинаковы во всём кадре ин-камеры. При этом, если герой задумывается о чём-либо (и то, что он видит, его специально не интересует), эти параметры изображения могут быть существенно ослабленными. Когда же взгляд героя сосредотачивается на чём-либо, этот объект находится в центре кадра ин-камеры, и его изображение передаётся с максимальной контрастностью, яркостью и, возможно, насыщенностью цветов. Эти параметры изображения плавно уменьшаются, ослабляются к периферии кадра. Такая съёмка соответствует особенностям человеческого восприятия визуальной информации.

Действие происходит весной, в марте-июне. Вне помещения и за окнами – обычно яркий, солнечный, радостный день, что и фиксирует аут-камера. Когда сцены показываются такими, как их видит главный герой (т.е. снятые ин-камерой), обычно всё выглядит менее ярко, тускло (такой контраст должен быть заметен зрителю), что соответствует доминирующему пессимистическому восприятию и настроению героя.

Кроме того, подача на экран изображения сцены таким, как его видит герой (с ин-камеры), имеет соответствующее звуковое сопровождение – вздохи, междометия и мысленно произносимые слова и фразы героя. При этом произносящий их «**внутренний голос**» героя очень похож на его же голос с «объективного» внешнего микрофона, но в то же время заметно отличается от него (известно, что люди слышат сами свой голос не таким, каким его слышат окружающие).

Описанные технические приёмы составляют своего рода уникальное «*know-how*» фильма, которое выделяет фильм на фоне всех других и позволяет повысить его художественный уровень.

Основные действующие лица

Главный герой. Дмитрий, Дима.

В российском прокате его фамилия Китаев, порождающая прозвище Китаец.

В зарубежном прокате его фамилия Чайнин (Chinen), порождающая прозвище Chinese (китаец).

Учится в выпускном классе средней школы.

В раннем детстве потерял один глаз (левый). Протезирующим глазным яблоком не пользуется. Веки отсутствующего глаза просто глубоко прищурены. Не всегда, но часто носит тёмные очки.

Рослый парень с правильными чертами лица. Выражение лица – обычно непроницаемое, без следов эмоций. Умён. Он один из лучших учеников в классе (но не придаёт этому никакой цены и значения). Перед тем, как что-то сказать, обычно «держит паузу», обдумывает свои слова. Со своим увечьем смирился, но часто думает о том, как оно скажется (а в его мыслях – фактически, уже сказалось) на его будущей жизни. И без того он оценивает себя весьма критически – заурядная внешность, бедность, неумение острить и шутить, отсутствие видимых перспектив в будущей взрослой жизни. И ещё это увечье... Последний год – он влюблён. В свою одноклассницу Таню. Влюблён тайно и безнадежно. Считает себя абсолютно недостойным Тани. Он ни разу не разговаривал с Таней. Никогда и ни о чём. Старается не попадаться ей на глаза. При случайных встречах лицом к лицу здоровается предельно нейтральным голосом.

Таня.

Татьяна Соколова. Девушка с приятным, добрым лицом, которое нельзя, однако, назвать красивым. Зато – очень стройная фигурка и самые стройные в классе ножки. Скромная, действительно скромная девушка. Жизнь её ничем не омрачена. Таня не ждёт от неё ничего негативного, ни проблем, ни испытаний, просто не думает о них. Будущее видится ей исключительно светлым и радостным. И она живёт его предчувствием и ожиданием.

«Папаня», Денис Китаев.

Разведён. Жена ушла от него лет за 10 до описываемых событий, оставив ему на попечение их единственного сына Диму. Кандидат технических наук. В «мирное время» (в СССР) был начальником отдела в каком-то оборонном НИИ. Это НИИ существует и сейчас, существует и его отдел, который он по-прежнему возглавляет. Но нет былого финансирования, зарплаты – крошечные. Впрочем, и на работу ходить почти не обязательно. В сыне – не чаёт души. Человек с помятым, слегка «испытанным» лицом.

Игорь Васильевич Милованов (или просто Игорь).

Учитель физкультуры, около 30 лет, очень красив, хорошо сложен, мужественен, умён.

Иногда бывает нагловат, но чаще весьма доброжелателен к людям. Всем нравится.

Вера Семёновна

Учитель математики и классный руководитель 10-ого «Б» – класса, в котором учится Дима. Ещё не старая женщина, но «старой учительской закалки».

Роза Михайловна

Директор школы. Спокойный, умный, опытный человек.

Генерал.

Виктор Ильич. Мужчина с приятным усталым лицом. Говорит очень чётко, использует очень точные формулировки. Умён, решителен. Добрый человек – насколько это возможно при его роде занятий и должности.

Юрий Шилов.

Подчинённый генерала, его «правая рука». Спокойный человек с неприметными чертами лица. Наблюдательный. Очень умный.

Почти.

Почти Бог. Могучая духовная сущность, не имеющая в нашем мире материальных признаков. По известным только ей мотивам она вступает в контакт главным героем и наделяет его необычайной способностью, о которой тот ненароком подумал.

1. Титры и начало

Аут-камера.

Кадр постепенно светлеет. Зрители начинают различать в нём движение неравномерно окрашенных объектов неопределённой формы и неопределённого переменчивого цвета, которое происходит на неравномерно окрашенном фоне, цвета которого также меняются, но существенно медленнее. Постепенно эти объекты и фон снова становятся все менее различимыми, постепенно они «растворяются».

И на экране начинают проступать видимые с большой высоты и переходящие один в другой земные пейзажи: горы, пустыни, океаны, леса, джунгли, степи, дороги, города (всё залито солнечным светом). Параллельно этому всё более слышимой становится песня – «Because» в исполнении Битлз.

Пейзаж окончательно становится городским, постепенно всё более различимо московским

(на среднем или заднем плане может ненадолго появиться кремль с Василием Блаженным). Громкость голосов Битлз и музыкальных инструментов постепенно уменьшается с одновременным нарастанием громкости безыскусно подпевающего голоса («внутреннего голоса») главного героя.

Точка съёмки фиксируется и аут-камера показывает маленькую (и почти без прохожих), залитую солнцем, кое-где ещё заснеженную улочку, по которой главный герой (в тёмных очках) возвращается из школы и подходит к своему дому (обычная «хрущёвка»).

Аут-камера видит его издалека, он приближается к камере (походка очень расслабленная).

По мере приближения «подпевание» затухает, сменяясь неопределённым уличным шумом (включая жизнерадостное чириканье птиц). Приблизившись к камере на расстояние, позволяющее различить его лицо, герой сворачивает и входит в подъезд. Окна в подъезде грязные и чем-то затенены, на лестнице и лестничной площадке темновато.

Аут-камера перемещается в подъезд и несколько секунд показывает, как герой энергичными большими прыжками понимает на 2-ой или 3-ий этаж и останавливается перед дверью своей квартиры, доставая ключи.

2. Дом

Аут-камера

Двухкомнатная квартира в «хрущёвке». Захламлённая прихожая. Свет – только из распахнутых дверей кухни и двух комнат. Темновато.

С шумом открывается входная дверь, и входит главный герой.

Из кухни раздаётся громкий голос (почти крик) отца героя:

– Дима, мыть руки и обедать!

Герой щелкает выключателем на стене и заходит в крошечную ванную комнату.

Расположенная в ванной комнате **аут-камера** показывает её обстановку и предметы. Входит герой, снимает очки, кладёт их в карман рубашки и подходит к умывальнику.

Тут зрители впервые видят одноглазое лицо героя.

Он моет руки, умывается, вглядывается в своё лицо, и, наклонившись к зеркалу, выдавливает прыщик на щеке.

Кричит отцу:

– Папаня, у нас есть одеколон или спирт?!

– Откуда! ... Водочки есть чуток!

Аут-камера показывает кухню, давно нуждающуюся в ремонте.

Отец (в шлёпанцах, «семейных» трусах и замаранном фартуке) достаёт из шкафчика початую бутылку водки.

С кусочком ваты герой входит в кухню, берёт из рук отца бутылку:

– Спасибо.

Увлажняет ватку водкой и выходит из кухни.

Расположенная в ванной комнате **аут-камера** показывает, как главный герой наклоняется к зеркалу и снова выдавливает что-то из прыщика, потом прижигает ранку ваткой, затем отстраняется от зеркала и вглядывается в свое изображение.

Раздаётся слабый звук, отдалённо напоминающий щелчок затвора фотоаппарата.

И зрители впервые видят то, что видит герой своим одним глазом (**ин-камерой**), в данный момент – его отражение в зеркале.

«Внутренний голос» (после глубокого вздоха с нейтральной интонацией):

– Н-да-а...

Далее идёт изображение с **ин-камеры**

(до указания о передаче изображения на аут-камеру).

Вместе с героем (Димой) **ин-камера** возвращается на кухню.

Дима видит на столе пирожное возле стакана чая, говорит отцу:

– Ого! Хавчик какой! Пирожное! Не иначе – маманя денег подбросила?

– Да, встречался с нею – тебе привет.

Дима (после некоторого молчания):

– И всё-таки ещё раз спрошу – не стыдно нам брать у неё?

– Ну, не будет же тебе стыдно есть пирожное? Особенно тебе...

Я своё уже съел... И потом, что ты беспокоишься, Петров ей нормально отстёгивает.

Хватает и ей, и дочкам.. Ну и нам перепадает... По доброте маминой души.

Дима садится за стол и начинает есть.

Отец подходит к раковине и начинает мыть тарелки и кастрюли.

После непродолжительного молчания, Дима:

– А чего Петров с нею расстался?

– Видел бы ты его новую жену – не спрашивал бы!

Кстати, не намного старше тебя. Куда до неё маме твоей...

А петровские бабки нам жалеть нечего! На Лендровере стал ездить.

С шофёром-охранником.

– А может он всё-таки бандит, как мы когда-то думали?

– Там не поймешь. Если и бандит, то, типа, не на сто процентов.

Время такое, что не поймешь. Мне ведь тоже интересно, я через людей узнавал.

Склады какие-то у него, с таможнями какие-то дела.

Может, и не бандит вовсе. Когда мама наша от нас к нему уходила,

так был он начальником автокомбината, тогда ещё были государственные автокомбинаты. Комбината этого уж нету теперь.

Может, от того, что нету, и деньги появились у него.

– Он, наверное, партийный был?

– Неожиданный вопрос. Тебе-то что до той партии?

– Проходили в школе...

– Ну, а раз проходили, что ж ты спрашиваешь – конечно был он.

Он же был руководящий кадр, начальник.

– Ну и что – ты же тоже был начальником тогда, а в партии не был?

– У нас в науке это было не так строго. Просто меня ценил директор института, а с ним тогда не спорили, даже и по кадровым вопросам. Грозный был мужик!

И, конечно, настоящий учёный (Царствие Небесное!).

Рядовому сотруднику или там инженеру в партию было очень трудно вступить – дикая очередь! А меня особо звали, парторг всё походил и спрашивал: «Как же Вы, руководитель трудового коллектива, будете вести воспитательную работу в своём коллективе, если Вы не в партии?»

– И как ты отвечал?

– Говорил, что буду показывать личный пример.

– И показывал?

– Не помню, давно дело было... Наверное, показывал. А что, я любил свою работу.

– А меня ты тоже воспитываешь личным примером?

– В каком смысле?

– Папаня, ты всё-таки не Гагарин – в трусах по дому ходишь. Зимой. Холодно однако, простудишься.

– Спасибо, сын.

– Не, на самом деле...

– Кстати, вижу я парторга этого время от времени, где-то он живёт в нашем районе – на Мерседесе ездит, подлец.

– А всё-таки, ты-то почему в партию не вступил – сейчас бы тоже на Мерсе ездил!

– Оп-па! Устами младенца глаголет истина – пожалуй, ты почувствовал суть дела!

Видимо, я сейчас не «новый русский» по той же самой внутренней причине, по которой в своё время не смог заставить себя вступить в партию....

Молчание. Дима:

– Пап, а можно тебя спросить?

– Естественно. Спроси.

– Да ладно. Потом... Пап, а почему от нас мама ушла?

Отец (помолчав и вздохнув):

– Ну, раз ты спросил... Ты ведь взрослый уже... Откровенно отвечу. Что я думаю.

Понимаешь, за эти 12 лет я, кажется, всё понял. Но, как-то трудно объяснить словами.

С одной стороны, ушла она по своей, уж извини, женской дурости. А с другой – может и не дурость это была, а наоборот, женская мудрость... Короче, ушла за сугубо женским счастьем. Он ведь, Петров то есть, тогда был «мачо» – будь здоров!

– «Мачо» – это что значит?

– По-простому, «мачо» – это очень мужчиный мужик. Испанское слово.

– А ты, значит, не был «мачо»?

– Как может быть «мачо» мужчина, который каждый день плачет о своей умершей собачке....

– Так наша Альфа умерла только в позапрошлом году...

– И 12 лет назад было, о чём поплакать...

После небольшой паузы:

– А знаешь, приходится этого Петрова уважать. Всё-таки, даже с нашей мамой он себя проявил вполне по-мужски – квартиру ту ей оставил, на дочек своих не скупится денег давать. Ты же знаешь...

– Знаю...

3. Урок

Ин-камера.

Урок математики. Внутренний голос раз за разом пропевает первые строки «Listen, do You want to know a secret?», не слишком попадая в ритм и в ноты. Взгляд Димы в основном скользит по страницам тетради вслед за его авторучкой – он легко, один за другим решает заданные примеры. Иногда внутренний голос бормочет что-то, связанное с решением этих примеров. Время от времени Дима посматривает в окно и видит там голубое небо. Иногда он смотрит вперед и видит сидящую за учительским столом Веру Семёновну, которая что-то пишет в классном журнале. Иногда взгляд Димы подолгу замирает на Тане. Дима сидит на последней парте справа. Парты Тани – первая в соседнем правом ряду, Таня сидит на ней слева. Их разделяет проход. Обычно спины учеников сильно загораживают Таню. Но её левая ножка чаще всего Диме видна. И он подолгу задерживает на ней свой взгляд. Наконец, все задачи Димой решены. Дима толкает в спину сидящего впереди ученика и передаёт ему свою тетрадь. Тот шепчет:

– За мной пиво.

Дима долго смотрит на Танину ножку. Внутренний голос:

– Что ножка... что ладошка, что губы... Как всё у неё... Почему за Таней не бегают... Может и есть кто-нибудь у неё... Там... Как это я так и не узнал точно, где она живёт... Почему я не разу не проследил её до самого дома... Там, в её квартале малоллюдно... Заметит она меня... О! Господи... Зачем мне её дом – мне нужна она сама... Таня... Танечка... Интересно, нарешала она сегодня хотя бы на четвёрку... А ведь она ко мне никогда не подойдёт... Подошла и улыбнулась,, Вот было бы здорово... Мороз по коже...

Раздаётся голос учительницы, каждое следующее обращение слышится Диме громче предыдущего:

– Китаев! Китаев! Китаев! Да очнись ты наконец! Хватит медитировать. Не успеешь закончить задание.

Взгляд Димы перемещается на учительницу, стоящую у доски.

Аут-камера.

Дима встаёт и отвечает:

– А я уже закончил.

– Как это уже? Покажи тетрадь.

Дима идёт к доске, незаметно для Веры Семёновны прихватив свою тетрадь – но уже не с ближайшей парты, а со следующей. Проходя мимо Тани, Дима вдруг неожиданно увидел её лицо и быстро отвлёл взгляд, словно обжегшись. Дима кладёт тетрадь на стол, поворачивается спиной к доске и устремляет свой взгляд за окно.

Учительница перелистывает тетрадь, и говорит после этого:

– Судя по тому, как долго Китаев был погружён в свои мечтания, всем его соседям можно не глядя ставить пятёрки. Что же, буду оценивать ваши труды по состоянию на текущий момент. Соколова, собери тетради. Таня встаёт и быстро всех обходит. Дима:

– Мне садиться?

– Раз уж ты вышел к доске, проделав долгий путь от последней парты, расскажи нам всем, в чём изюминка решения предпоследнего примера.

– Вера Семёновна, она будет мало кому интересна... Ушаков её знает, Иванян знает, Коротаяева знает... Наверное, знает. Кому надо – тот знает, а кому не надо, тот и без этого отлично проживёт. Так что незачем рассказывать.

– Ничего себе пассаж! Не ожидала от тебя, Китаев. От кого угодно, только не от тебя! Что с тобой сегодня? Ты деградируешь прямо на глазах... А тебе самому-то надо?

- Не знаю. Скорее всего, я с большинством.
- Если так, то зачем я вас всех учу?
- А Вы учите не всех нас...фактически некоторых. Да Вы и сами знаете...

Ин-камера.

Учительница, после долгой паузы:

– Думаю, эту дискуссию следует прекратить.... И возможно, продолжить её в другом месте. Садись, Китаев.

Проходя мимо Тани, Дима на мгновение бросил на неё свой взгляд и тут же отвернулся.

Раздаются голоса:

- Вера Семёновна, Китаев – хороший мальчик.
- Крутой аскет!
- Он животных не обижает.

Учительница:

- Не юродствуйте.

Новый голос:

– Он будет в армии нас всех защищать, снайпером будет – там всё равно левый глаз прищуривать надо.

Вера Семёновна:

– Эту глупую и гнусную шутку я услышала лет 5 назад. Думала, она уже вышла из употребления. Стыдись, Ситников – самый сильный должен быть самым добрым!

Раздаётся звонок на перемену.

4. Добрый мир

Аут-камера.

Просторная прихожая уютной квартиры. Звонок в дверь. С громким лаем к двери подбегает большая мохнатая собака. Раздаётся радостный крик «Таня пришла!», затем топот маленьких ножек, и из одной из комнат выбегает сестрёнка Тани – Леночка, девочка пяти-шести лет. Собака нетерпеливо прыгает и лает, Леночка пытается открыть неудобный для неё замок.

Тут к двери подходит бабушка Тани. Она открывает дверь, и в прихожую, со словами «Здравствуйте, кто на двух и кто на четырёх!», входит Таня.

Собака в радостном возбуждении прыгает вокруг неё и пытается лизнуть в лицо. Леночка, отпихивает собаку и виснет на шее у Тани.

Бабушка (с улыбкой):

– Уймись, оглашенные! Каждый день одно и то же! Танечка или оглохнет, или вы её и скалечите. Я тоже Танечку люблю, но я же...

Леночка:

– Бабушка, это же не я шумлю, это же Тимка!

Бабушка:

– Одна компания!... Тимка, уймись! Вот я тебя! Всё, всё, Дайте Тане раздеться!

Таня снимает верхнюю одежду, надевает тапочки.

Леночка тянет Таню за руку в комнату:

– Таня! Пойдём скорее – чего покажу тебе! Я тебя жду, жду! А ты поздно как!

– Да что покажешь-то?

– На компьютере, сейчас увидишь! Ты не видела такого – я сама сделала!

Таня:

– Ну, пойдём посмотрим... Бабушка, а это что за чемодан?

В прихожую, со словами «Что за шум, а меня нет!» входит женщина лет 45. Следом за ней появляется и останавливается в дверях мама Тани (Наталья Алексеевна). С возгласом «Уй-и! Тётя Вера приехала!!» Таня бросается к тёте Вере, вдруг останавливается перед ней, они берутся за руки и несколько секунд с любовью и радостью оглядывают друг друга, после чего обнимаются и «всласть» расцеловываются.

Тётя Вера:

– Не скажу, что подросла – но повзрослела! Прямо барышня стала – хоть сейчас под венец! А подрастать нам и не к чему!

Таня:

– Да ну, тётя Вера! Любишь ты меня в краску вгонять. А мы же тебя не ждали – в командировку приехала? Какой сюрприз замечательный!

– Послезавтра у вас тут открывается конгресс по педиатрии. Буду докладывать свою работу. Вообще-то, должен был выступать мой аспирант – соавтор. Но у него в семье – неприятнейшая история, не до докладов бедняге. Пришлось мне ломать все планы и лететь самой.

Мама:

– Ну что ж мы тут стоим, пройдем в комнату.

Леночка снова начинает тянуть Таню за руку:

– Танечка, сперва ко мне – ты же обещала! Пойдем – чего покажу!

Тётя Вера:

– Леночка, ты уж Таню извини. Потом она посмотрит. Мы же с тобой уже намиловались-наговорились. А и с Танечкой мне хочется посидеть-поговорить. Ты уж будь добра – дай нам полчаса.

Леночка:

– Ну ладно уж... А за полчаса я ещё и получше сделаю (убегает к себе).

Бабушка, Таня, мама, тётя Вера и Тимка заходят в комнату и рассаживаются, Таня садится на диван рядом с тётей и прижимается к ней, та обнимает её рукой. Тимка ложится у Таниных ног.

Таня:

– Тётя Вера, а ты когда приехала?

– Да уже (смотрит на часы) два часа назад. Со всеми уже наговорилась – тебя ждала. Ну, рассказывай, как живёшь?

Таня:

– Ой, тётя Вера, хорошо!

Тётя Вера:

– Парня завела себе уже? Или то один, то другой?

Таня, отрицательно мотая головой:

– Да ну их! Все почти что – дураки какие-то...

Бабушка:

– Видишь, какая у нас тихоня да скромница – одна такая на всю Москву.

Мама:

– Вот и хорошо, вот и правильно – куда торопиться? Верно Вася говорит...

Тётя Вера:

– Ой, нашли строгого воспитателя! Да он в своей Танечке души не чает! А та из него, как я помню, всю жизнь «верёвки вьёт». Теперь уж на пару с Леночкой, так?

Таня:

– Ну, что ты, тётя! Какие ещё верёвки!

Мама:

– С такими разговорами вы мне всю мою педагогику порушите! Давайте сменим тему.

Тётя Вера:

– Так, как ты сказала, Танюша – не все поголовно «дурачки», там у вас, а почти все? Это внушает некоторый оптимизм!

Таня:

– Тётя, ну вот ты опять!

– Ну, хорошо, больше не буду. Просто уж, чтобы закрыть тему. Смотрю я на Таню, и вижу, что такой славной девушке, и в правду, трудно достойного парня найти. Я ведь с молодёжью много общаюсь – со студентами своими. И действительно, какие-то они – предельно несерьёзный народ и слишком уж материалисты! Мы, в двадцатом веке, такими не были. И потом, этот их сленг! Я конечно, и половины не понимаю, но создаётся ощущение, что все они, на сто процентов – наркоманы. Хотя, надеюсь, это не так. И зачем им так себя вести... Таня же разговаривает нормально.

Таня:

– У нас тоже многие так говорят... А знаете, как прикольно теперь «двойка» называется? «Твикс»!

Тётя Вера:

– Почему «твикс»? А... догадалась...

Мама:

– Почему?

Бабушка:

– Ну там же две шоколадки!

Тётя Вера:

– Буду теперь «твиксом» своих племяшек называть – надо же идти в ногу со временем....

Ну что же... Пошутили и ладно. Предлагаю перейти к серьёзному разговору. Начнём без Васи, при нём кончим. Не передумала стать докторшей, Танюша? Десять лет ведь уже слышу: «Как тётя», да «Как тётя».

Таня:

– Ну что ты, тётя Вера – ещё больше хочется!

Тётя Вера:

– Хотения мало. Учишься то ты совсем не «как тётя» училась. Как на счёт «твиксов» в школе – случаются они у тебя?

Таня:

– Увы мне! Бывают... Изредка.

Тётя Вера:

– Так. А сколько троек было в таблице за последний семестр?

Таня:

– Три...

Тётя Вера:

– Наталья Алексеевна, чем у тебя вообще дочь занимается в выпускном классе? Откуда такое пренебрежение к учёбе в столь ответственный период?

Мама:

– Ой, Вера, устала я с ней! Специально Леночке говорю, чтобы не лезла к Тане, не мешала заниматься. Притихнет Таня у себя, думаю – занимается, захожу – читает какую-нибудь ерунду! То «Гарри Поттера», то «Порри Гаттера», а чаще всего – какие-то тоненькие романы в мягких обложках – ну, с красотками нарисованными, в каждом киоске их десятки. Хоть бы уж классику читала! А тут еще новая напасть – коньки роликовые! Купил ей Вася, шесть тысяч отдал. Нет бы где кататься у дома – так ездит с подружками куда-то через пол Москвы, и зимой тоже! Нет бы на обычных коньках – зимой-то! У нас парк – из окна видно, там лёд заливают. Да на обычных-то коньках лучше! Да вот не модно у них. Вот и пропадает по пол дня.

Тётя Вера:

– Диагноз ясен – не поступить тебе, Таня, на медицинский тут в Москве, не поступить... Слишком уж тебя родители любят... И отец – не олигарх...

Бабушка:

– Да разве можно слишком любить ребёнка-то!

Тётя Вера бабушке:

– Мама, да ты себя вспомни! Как ты нас с Наташей держала в Танюшкином возрасте? И результат был налицо – одна с золотой медалью, другая – с серебряной...

Бабушка (не слишком уверенно):

– Тогда другое время было...

Тётя Вера:

– Время всегда одно и то же. Ну, что же, уже предварительно говорили об этом не раз – видно, придётся тебе, Таня, после школы ехать в Сибирь – возьму тебя в свой университет, у нас медицинский факультет очень сильный. Уж мою племянницу – примут. Думаю, грех мой велик не будет – жить, Таня будешь у меня, под моим строжайшим присмотром. Так что доктором хорошим я тебя сделаю – это я сумею!

Официально спрашиваю, согласна из Москвы?

Таня:

– Что же делать. Раз сама такая... Согласна.

Тётя Вера:

– И тут уж хорошо, что сейчас у Тани парня нет. А то начались бы мучения и слёзы – «Да как же я без него! Да как же он без меня!»... Нет – и слава Богу!

5. Отец

Аут-камера.

Отец сидит за столом и слушает по радио дурашливый разговор двух молодых ведущих. Входит Дима. Отец:

– Удивляюсь, почему приняли на работу этих убогих ведущих – ни интеллекта, ни эрудиции ни остроумия, ни стыда. Одна развязность и апломб.

– А ты зачем слушаешь? Не нравится – не слушай.

– Да так... От нечего делать кнопками щёлкал.

– Когда человеку нечего делать... это печально?

– Не знаю... Вижу, ты тоже без дела по квартире болтаешься... Ещё не поздно – съезди к маме, она будет рада.

– Был вчера.

– Что же молчал?

– Она денег не дала, сказала на следующей неделе.

– Ну, ничего. Завтра у меня получка в институте. Как-никак 100 баксов!

– А за что тебе их платят? Ты же и ходишь в институт раз в неделю. Ничего же там не делаешь...

– Ну, не раз в неделю, а чаще. Я же тебе не докладываю, когда иду туда. Хотя, конечно, можно и вообще не ходить.

– И зачем ты им?

– Ну как же... Верхнее начальство заинтересовано, чтобы наша контора всё ещё выглядела как полноценный НИИ, чтобы в штате были остепенённые сотрудники, чтобы в структуре было много отделов, и так далее. Чтобы можно было «надувать щёки». Кое-какие денежки государственные в институт всё же идут. А уж руководство умелой рукой направляет их себе на личную пользу. И ближайшему окружению, конечно. Директор института на казенном Лексусе ездит. А у большинства сотрудников зарплата типа моей. Будут они работать по-настоящему? И личный Ауди у него имеется. По сути – деньги идут мимо института. Сотрудники почти все разбежались. Осталось полторы калеки. Вроде меня.

– А как же научная работа? Наверное, нужно как-то отчитываться?

– Ну, кое-кто всё-таки работает. За отдельные небольшие деньги. В основном, имитируют работу. Используют старые заделы. Одно и то же «продают» по третьему и четвёртому разу. Но очень скоро заделы будут исчерпаны, и тогда – хана! Видимо, начальство думает, на его век хватит. Всё рассчитано... Но не будем о грустном!

Дима (после паузы):

– А можно деликатный вопрос?

– Тебе – конечно.

– А почему бы вам с мамой не сойтись обратно?

– Увы, время ушло. Сегодня это никому не нужно – ни мне, ни маме, ни Петрову, не их дочкам.

– Ты забыл обо мне – мне нужно. В смысле, я был бы рад.

– Не забыл. Просто ты – в подавляющем меньшинстве. В гордом одиночестве. То есть не в гордом, конечно – в грустном одиночестве. Се ля ви...

Дима (после паузы):

– Отец, а для чего ты живёшь, ради какого смысла жизни?

– ... Лет 20 уже ни с кем не разговаривал на эту тему – о смысле жизни.

– И всё же?

– Знаешь... сдаётся мне, по молодости лет больше говорят о смысле жизни и меньше думают об этом. На склоне лет – всё наоборот.

– И до чего ты додумался?

– Сейчас скажу. Только перед этим – моя обычная оговорка: «Живи как я учу, а не как я живу». ОК? Так вот. Серьёзно. Жить надо ради того, чтобы в конце её иметь шансы получить прощение за свою прожитую жизнь.

– Крутая формулировка... Но звучит как-то безнадежно... Юзеры не поймут.

– Ну, почему же – наоборот. В ней – надежда на спасение и покой. И пожилым людям эта формулировка подходит как она есть. Но я чувствую, что для молодых людей она действительно должна быть как-то отредактирована... в жизнеутверждающем направлении, что ли... И, наверное, для молодёжи должна она быть более простой и конкретной. С ходу не могу, надо подумать...

– Выходит, ты верующий...

– Выходит...

– А что же ты в церковь не ходишь?

– Я ведь читал Евангелие много раз... Ничто из того, что ты увидишь в церкви, не заповедовано Христом. Двумя или тремя пальцами креститься, да в каком направлении – какая разница. Да и надо ли вообще креститься... Христос об этом ничего не говорил... А из-за этого пролиты реки крови. Океаны горя и зла... И потом, это сребролюбие... Шитые золотом одежды. А Христос был нищ... Только плащаница – вся собственность... И еще мне так не нравятся слова «раб Божий»! Ведь мы не рабы, а дети Божьи! Ведь как Он учил молиться ему? «Отче наш!» А самое главное – даже не это. Это всё земная суета. Насколько я понял Христа, для того, чтобы быть истинно верующим в истинного Бога, достаточно его искренне любить, и любить «ближнего своего». В этом самая суть веры. И моей веры тоже... А ты ведь у нас не крещёный... Не хочешь креститься?

– А что же вы меня не крестили в детстве?

– Сперва время было неподходящее, да и мы с мамой были атеисты, так скажем. А позже дошёл я до мысли, что человек должен креститься сознательно, по своему убеждению и воле. То есть уже взрослым.

– А я взрослый?

– А ты сам-то как думаешь?

– Не знаю...

– Вот и я не знаю...

6. Дворник

Тёплый солнечный апрельский день, улица.

Ин-камера – рассеянный взгляд Димы. Он идёт из школы, напевая про себя «Hey Jude». Поворачивает, заходит во двор и видит знакомого дворника (в клеёнчатом фартуке поверх замызганного пальто), который поливает из шланга шикарную автомашину.

Аут-камера.

Дима обращается к дворнику:

– Привет, Рафаилыч! Классную тачку ты себе купил! Вот бы мне бы...

– Жилец один подрядил. Я теперь ему эту машину мою раза 2—3 в неделю. Так, слегка, чисто внешне. А он мне – стольник. Неплохо – стольник за 10 минут?

– 600 в час, 5000 в день – это же Клондайк!

– Не, столько мне заработать не дадут – придётся с начальством делиться... А вообще-то думаю, глядя как я эту мОю, и другие клиенты потянутся – вона их сколько, грязных машин-то (повёл шлангом и струёй воды в сторону автостоянки).

Почитай, все грязные. Апрель....

Внимание дворника отвлекается от машины и разговора. Он кричит:

– Стой! Что ж ты творишь! Нельзя там мусор складывать!

Бросает шланг и быстрыми шагами уходит в сторону (из кадра).

Ин-камера.

Дима опускает голову и смотрит на шланг, лежащий на земле. Берёт его в руки, направляет струю на машину. Зажимает конец шланга и усиливает скорость струи. Осматривается по сторонам и видит оплывшую снежную бабу. Направляет струю на неё и «отрезает» ей руку, а после паузы – и голову. Смотрит на струю.

Внутренний голос:

– А если бы давление 100 атмосфер... А если бы 1000... Как раз на дне Марианской впадины... Сколько там – 11 км? ... Значит, 1100 атмосфер...

Дима кладёт шланг на землю. Смотрит в сторону на стоящие дома. Внутренний голос продолжает:

– Подсоединить бы этот шланг на такой глубине – так тут струёй дома можно было б резать, а то и танки... Нет, танки – вряд ли... Резать... Ну и кому какая польза... Разве что как оружие... Спецназу... Шварценеггеру в руки... Не, слабо будет ему отдачу выдержать – действие равно противодействию... Ну, или как-нибудь, чтоб не было отдачи... Тогда бы классно...

Дима складывает пальцы правой руки «пистолетиком» и прицеливается в остатки снежной бабы.

Внутренний голос:

– Что за глюки лезут в голову... Такая струя пол-Москвы поубивала бы...

Поднимает голову на подходящего дворника.

Аут-камера.

Дворник:

– Дим, напомни отцу – должок за ним.

– Скажу...

7. Учительская

Аут-камера.

Ярко освещённая большая комната. Шкафы, несколько столов. За одним из столов сидит и что-то читает учительница математики, класный руководитель десятого «Б» – Вера Семёновна. Больше в комнате никого нет.

Стук в дверь, заглядывает Дима:

– Вера Семёновна, вызывали? Добрый вечер!

– А, Китаев! Заходи! Присаживайся. Добрый вечер.

Дима входит, скованно садится у стола учительницы. Но спрашивает непринуждённо:

– Я что-нибудь натворил?

– Где уж тебе! Это не по твоему профилю.... По части «натворить» есть в школе такие профессионалы! ... Что-то наш серьёзный разговор начинался как-то несерьёзно.

– Серьёзный разговор, да ещё в учительской

– Пугаться тебе нечего. А разговор предстоит, действительно, серьёзный, и, я надеюсь, откровенный. О твоём будущем по окончании школы.

– А почему Вас заинтересовал именно я?

– Не только ты. Не со всеми, конечно, но с некоторыми твоими одноклассниками встречалась или буду встречаться с этой же целью. Сегодня – твоя очередь. Про себя я вас называю, ух извини, «проблемные дети»... Хотя какие вы дети... Практически взрослые уже.

Вот о ваших, а в данном случае твоих проблемах мне бы хотелось поговорить.

– А откуда Вы знаете, какие у меня проблемы?

– Ну, кое-что, действительно знаю, кое-о-чём догадываюсь, кое-что ты мне расскажешь – не так ли? Я ведь хочу помочь тебе сориентироваться, понимаешь?... Ну что же, начнём. Мне очень жаль, что ты выбыл из круга претендентов на медаль, очень жаль! В последний учебный год, а особенно последние полгода ты практически бросил заниматься. Я права?

– Но по Вашему предмету Вы продолжаете ставить мне пятёрки...

– Перестань! Математика тебе так легко даётся! Так что в этом нет никакой твоей заслуги.

То же и по физике – Алла Борисовна мне говорила, что по её предмету ты намного сильнее Ушакова, а он у нас главный претендент на медаль. Он вообще молодец – очень много занимается, в том числе и с репетиторами. И собирается поступать на механико-математический факультет университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.